

Анна
НИКИТИНА

ИЗМЕНА

длиною в брак

Жанна Никитина

Измена длиною в брак

«Литнет»

2025

Никитина Ж.

Измена длиною в брак / Ж. Никитина — «Литнет», 2025

— Когда ты ей расскажешь про нас? — из динамика телефона доносится женский голос. — Не сейчас. Не хочу скандалов, — устало отзывается... мой муж. — Артур, ты же понимаешь, это придется сделать. — Лучше позже, чем раньше, — отрезает мой муж. — Ты так заботишься о ней, — в женском голосе слышится игривость. — В первую очередь я забочусь о себе, — Артур произносит это так, будто говорит об элементарных вещах. — Не хочу, чтобы мне выносили мозг по поводу того, что все равно не изменится. Лере придется смириться. Три года брака. Счастливая жизнь, словно в сказке. Я думала, так будет всегда, но один звонок изменил все. Тайна мужа раскрылась из-за простой случайности, впоследствии превратившейся в настоящий пожар. Книга участвует в литмобе «Вторая жена»; Уважаемые читатели, тега «развод» нет намеренно, потому что я считаю его огромнейшим спойлером, который раскроется по мере повествования))))

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	39
Глава 16	42
Глава 17	44
Глава 18	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

— Ты снова сегодня допоздна? — ковыряюсь вилкой в пасте, приготовленной специально для Артура, зажав телефон между ухом и плечом.

Поднимаю глаза на пустой стул напротив, тихо вздыхаю.

— Да, — твердо произносит муж.

— Жаль, — грустно поджимаю губы, и прежде, чем Артур успевает ответить, добавляю: — да-да, сделка на носу, я помню.

— Умница, — усмехается муж.

Мое сердце начинает биться быстрее.

— Я люблю тебя, — улыбаюсь, хотя Артур и не видит, но очень надеюсь, что чувствует.

— И я тебя, — с легкой хрипотцой голос мужа пускает мурашки по позвоночнику. — Не жди меня, ложись спать.

— Хорошо, но прошу, не сильно задерживайся, — закусываю губу.

В огромном доме очень одиноко быть одной. Обвожу глазами большую кухню с панорамными окнами, с отделанными деревянными панелями стенами и красивейшим белым гарнитуром. Постучиваю вилкой по молочной мраморной столешнице островка, стоящего в самом центре пространства.

Если бы я знала, как часто буду находиться здесь одна, ни за что бы не согласилась на переезд год назад. В городской квартире было куда уютнее, а сейчас сердце заходится в диком скачке от непонятного мне беспокойства. Но Артур настоял. Понимаете ли в свои сорок один он хочет чувствовать единение с природой, да и детишкам, которых мы планируем, будет, где бегать. Мне казалось это хорошей идеей. Я даже оборудовала себе художественную студию в задней части дома, где работаю. Но сейчас мне хочется обратно в город, где не так пусто.

— Я постараюсь, — немного нетерпеливо отзывается муж. — До встречи.

В телефоне раздается тишина. Я уже отнимаю его от уха, как вдруг слух улавливает что-то... какой-то шорох. Снова подношу гаджет к лицу. Напряженно вслушиваюсь.

Да нет, показалось.

— Когда ты ей расскажешь про нас?

Резко выпрямляюсь, когда до меня доносятся будто издалека эти слова. Женский голос кажется приглушенным, но если сосредоточиться, то смысл уловить можно.

— Не сейчас. Не хочу скандалов, — устало отзывается... мой муж.

За три года брака, и четыре года, пока мы вместе, его интонации я узнаю из тысячи... миллиона.

— Артур, ты же понимаешь, это придется сделать, — женщина подтверждает мою догадку.

Кто это? Коллега? Клиент? Нет, слишком... интимно. "Про нас" — значит, это не случайность. Они вместе? Что, черт возьми, происходит?!

Мне нужно закричать, сказать, что я все слышу, что они не одни, что Артур не положил трубку. Но я не могу. Открываю рот и не издаю ни звука. В горле встает ком. Холодными пальцами сильнее сжимаю телефон. Что за черт?! Он же на работе... откуда... кто это женщина?

— Лучше позже, чем раньше, — отрезает мой муж.

— Ты так заботаешься о ней, — в женском голосе слышится игривость... ревнивое кокетство.

— В первую очередь я забочусь о себе, — Артур произносит это так, будто говорит об элементарных вещах. — Не хочу, чтобы мне выносили мозг по поводу того, что все равно не изменится. Лере придется смириться.

— А если она не захочет? — женский голос звучит совсем близко.

Замираю, чувствуя, как тело натягивается, словно струна. Жду страшный ответ, не веря, что все это происходит здесь и сейчас, как вдруг...

— Ну вы чего застряли? — детский голос заставляет вздрогнуть.

— Уже идем, — прокашливаясь, отзывается Артур, его тон становится мягче.

— Мы не закончили, — шелестит женщина. — Может, останешься на ночь?

— Ты знаешь ответ, — голос Артура звучит все дальше и дальше.

А я так и продолжаю сжимать телефон, глядя в никуда и не понимая, что я только что услышала. Перед глазами встает сегодняшнее утро, как я провожала Артура на работу, повязывая ему галстук. Красивый, статный, широкоплечий, с копной черный, как смоль волос, и пронзительными серыми глазами — я любовалась своим мужем, а он улыбался и говорил, что у него самая лучшая жена на свете, а после поцеловал меня, легко и невесомо, как делал это каждый раз перед уходом.

И я верила... верила, что я действительно самая лучшая жена. Но разве самым лучшим женам изменяют с другими? Нет!

Резко опускаю кулак на стол, отчего приборы тихо звякают. Снова бужу телефон, который до сих пор сжимаю в руке. Набираю номер мужа.

Слушаю длинный гудки.

Я должна выяснить. Должна узнать!

— Абонент не отвечает или временно недоступен! — раздается механический голос.

Спустя три звонка мне так никто и не отвечает.

Глава 2

Мечусь по дому, словно раненый зверь в клетке. Шаги гулко раздаются в огромной гостинной — светлой, уютной, слишком большой и... кажущейся сейчас абсолютно чужой.

Не знаю, что делать дальше. Не понимаю! Кажется, что все происходит не со мной. А вдруг надумала? Вдруг неправильно поняла? Резко разворачиваюсь. Светлая прядь хлещет по щеке.

— Черт! — непроизвольно запутываюсь пальцами в распущенные волосы и с силой дергаю их, сосредотачиваясь на острой боли, которая хотя бы на секунду заглушает адскую пульсацию в висках.

Сердце разрывается на части. В ушах стучит кровь, каждый удар — словно молот по наковальне.

Внезапно застываю, вспоминая, как две недели назад Артур вернулся с работы с запахом чужого парфюма — терпкого, дорогого, женского. “Жена клиента обняла на прощание. Ничего особенного,” — отмахнулся тогда он, даже не глядя в мои глаза. И я, глупая, лишь улыбнулась, будто это норма. Конечно, владелец инвестиционной фирмы, солидный мужчина — вокруг него всегда толпы людей. Я знала, на что шла. Но теперь... Теперь все иначе.

Телефон, сжатый в руке, предательски молчит. Ни звонка, ни сообщения — только черный экран, отражающий мое искаженное отчаянием лицо.

— Почему ты не отвечаешь?! — шиплю я, сдавливая гаджет так, что пальцы белеют от напряжения.

Неужели Артур до сих пор не видел моих пропущенных звонков? Чем он там занят? Неужели он... встряхиваю волосами, отгоняя от себя гнетущие мысли. Нет! У нас действуем презумпция невиновности. Артур не виновен, пока его вина не будет доказана.

“Разговора тебе мало?!” — ехидничает внутренний голос.

Не хочу вспоминать, и все равно вспоминаю случайно подслушанные слова.

“Когда ты ей расскажешь про нас?”

“Лере придется смириться.”

Все слишком очевидно. Возможно, я просто боюсь в это поверить.

— Смириться?! — внезапно выкрикиваю в пустоту. — Да чтоб тебя...

Не выдерживаю. Не могу больше бездействовать. Мне нужны ответы. Бросаюсь к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. Стучу пятками по деревянным ступеням. Вбегаю в коридор, освещенный теплым светом бра. Врываюсь в первую дверь — кабинет Артура.

Здесь все под стать мужу — холодный, выверенный до миллиметра порядок. Массивный дубовый стол стоит в центре просторной комнаты. На нем два огромных монитора. Напротив большого окна, завешенного шоколадного цвета шторами, расположены стеллажи с дорогими кожаными томами — “Инвестиционные стратегии”, “Корпоративное управление”, “Искусство переговоров”. Ни одной лишней бумажки. Ни одного случайного предмета.

Мгновение осматриваюсь и... решаю начать со стола. Я методично обыскиваю все. Выдвигаю ящики. На столешнице передо мной стоит наше свадебное фото, где мы счастливо улыбаемся в камеру — стараюсь не смотреть на него. Документы в папках, аккуратно рассортированных по цветам, ни о чем не говорят. Проверяю сейф — тоже ничего.

— Конечно, Артур же не дурак, — бормочу я, швыряя на пол очередную папку. — На что я только надеюсь?

Осматриваюсь вокруг, так ничего и не найдя. Чувствую себя какой-то дурой. Внутренний голос кричит, что что-то должно быть, но нет... никаких следов. Может, все-таки его разговору есть логическое объяснение? Может, я зря себя накручиваю? Сажусь на пол, подтягиваю к себе колени и обнимаю их, утыкаясь в них лбом.

— Дождусь Артура, — уговариваю саму себя. — Он все объяснит.

Но спустя час мужа так и нет, как и звонка от него, поэтому я снова в одиночестве плетусь в нашу постель. Ложусь на свою сторону, сворачиваюсь калачиком. Слишком одиноко и холодно без Артура. Хочу, чтобы он побыстрее приехал, чтобы успокоил, сказал, что все не так, как я думаю.

Закрываю глаза — и вижу его улыбку. Слышу его голос: “У меня самая лучшая жена на свете”.

— Врешь, — шепчу в подушку, кусая губу... на этот раз до крови.

Ворочаюсь. Сон все не идет. То и дело проверяю телефон. Полночь. Час. Два. Тело измучено, но сознание ясно, как никогда.

В очередной раз беру гаджет, решаясь снова позвонить мужу. На этот раз он должен ответить. Но резкий звонок опережает меня, разрезая тишину. На экране высвечивается незнакомый номер. Рука дрожит, когда я подношу телефон к уху.

— Алло, — мой голос звучит хрипло от волнения и бессонницы.

— Валерия Игоревна? — и снова женский голос, но на этот раз ровный, безэмоциональный. — Вас беспокоят из НИИ скорой помощи имени Склифосовского.

Внутри все замирает. Холодная волна накрывает с головой. Резко сажусь на кровати.

— Да, — неуверенно отвечаю. — Это я.

— Королев Артур Сергеевич указал вас контактным лицом, — женский голос в трубке звучит странно отстраненно.

Сердце делает болезненный кувырок. На заднем фоне говорящей слышны какие-то гудки и шорохи.

— Да, мы... — впираюсь пальцами в одеяло, сжимаю его.

— Дело в том, что... — голос перебивает меня. — Артур Сергеевич поступил к нам с ожогами второй степени.

— Ожогами?! — вскрикиваю. Закрываю рот рукой. — Что? Как?

Страх, кажется, парализует все тело. Не могу поверить... нет... это не мой Артур. С ним все должно быть хорошо!

— Пожар в доме.

— Боже мой! Как он? — голос срывается. В глазах темнеет.

— У него и его семьи состояние стабильное, — все так же ровно произносит женщина на другом конце провода.

— Простите, семьи? — переспрашиваю я, будто не расслышала

— Подождите, — слышится шелест бумаг. Я же замираю, предчувствуя удар. — Да, он поступил с женой и дочерью.

Мир переворачивается. Жена? Но я же здесь... одна. В нашем доме. В нашей постели.

— Простите... вы сказали... с женой? — сглатываю вязкую слюну.

— Да, — женщина на другом конце провода даже не подозревает, что роняет в мою жизнь бомбу. — Елена Викторовна Королева указана у нас в документах.

Повисает тишина. Глухая, давящая. Мир сужается до точки.

Телефон выскальзывает из пальцев, глухо шлепается на кровать, а затем — бам — падает на пол.

— Алло? Вы меня слышите? Все в порядке? — голос из трубки кажется таким далеким... Вот оно.

Доказательство.

То самое, что я так яростно искала и... так отчаянно не хотела находить.

Черт возьми.

Он не просто мне изменяет.

У него есть другая... семья.

Дорогие читатели, если история вам понравилась, то буду благодарна за любую реакцию. Мне важно видеть вашу поддержку.

Со всей душой, Жанна

Глава 3

Врываюсь в холл больницы, мчусь к стойке регистрации, едва переводя дыхание. Я не помню, как вызывала такси, как ехала сюда — все слилось в мешанину. И только сейчас начинаю чувствовать, как дрожат ноги, в висках стучит кровь. Ледяной ком в груди становится с каждой секундой тяжелее, придавливая меня к полу.

— Артур Королев! — опираюсь потными руками в край белой высокой стойки, смотрю за стекло, где сидит молодая девушка в маске и голубой шапочкой, скрывающей темные волосы. — Его сюда доставили! Пожар... ожоги... — мой голос звучит хрипло, почти срывается.

Медсестра медленно поднимает на меня уставшие карие глаза.

— Вы... родственник? — спокойно спрашивает она.

— Я его жена, — отвечаю резко, слишком громко, и тут же замечаю, как брови девушки чуть приподнимаются. Она внимательно смотрит на меня. — Вот паспорт, — пихаю документ в окошечко. Не знаю, каким чудом я догадалась его взять.

— Ладно, — девушка что-то записывает в журнал. — Сейчас вас проводят, — она оборачивается, тихо что-то кому-то говорит.

Мне возвращают паспорт, и почти сразу из-за угла выходит еще одна девушка, идентичная той, что сидит передо мной, только волосы светлее, но синяя шапочка и маска при ней.

— Пройдемте за мной, — девушка коротко кивает мне.

Мы идем по длинному коридору, каждый шаг отдается в голове глухим стуком. Стены кажутся слишком белыми, слишком стерильными, воздух — густым, пропитанным запахом антисептика и лекарств, отчего меня слегка подташнивает.

Тру шею поверх футболки.

— Вам сюда, — медсестра останавливается перед белой дверью и слегка отступает в сторону, будто не хочет быть рядом, когда я войду.

На мгновение замираю. Сердце колотится как у загнанного кролика. Сглатываю вязкую слюну, нерешительно, будто боясь обжечься, берусь за ручку, нажимаю на нее и... толкаю створку вперед.

Медленно, почти бесшумно вхожу в небольшую палату. Из-за мягкого света ночника, стены здесь кажутся не такими ядрено-белыми, а больше бежевыми. Широкое окно не зашторено — свет фонаря попадает в комнату. В самом углу находится неглубокое кофейного цвета кресло. Напротив него — шкафчик с медикаментами. Веду взгляд дальше, пока не натыкаюсь на широкую больничную койку, на которой спиной к двери сидит Артур.

Его белая рубашка — та самая, которую я вчера гладила для него — брошена на стул рядом с мужем, мятая, с темными пятнами, будто ее облили водой.

Торс мужа оголен. Кожа, обычно гладкая, загорелая, теперь покрыта белыми бинтами. Один тянется от локтя до плеча, другой — по лопатке, заворачивает на грудь. Там, где марля заканчивается, виднеется красная, воспаленная полоска.

“Ожог,” — вспыхивает в голове.

Тихо стону, прикрыв рот рукой, отчего Артур резко оборачивается.

Его лицо заставляет меня отступить. Он смотрит на меня холодными, серыми глазами, наполненными... гневом. Челюсти сжаты, между бровей залегла глубокая складка.

— Лера, — муж произносит мое имя так, словно это обвинение.

Застываю на пороге, пальцы впиваются в ручку двери, которую я до сих пор не отпустила. В горле пересыхает.

— Ты как? — спрашиваю тихо.

— Какого черта ты здесь? — резко цедит Артур.

Ни радости, ни облегчения... Его пальцы сжимают край кровати, сухожилия на руках резко выступают. Губы сжаты в тонкую белую полоску.

— Мне позвонили... — произношу неуверенно.

Он не ожидал... не ждал... не хотел, чтобы я была здесь. Это слишком очевидно... невыносимо больно. Встряхиваю волосами. Мне только нужно убедиться, что с мужем все хорошо, и получить подтверждение его предательства.

“Еще одно подтверждение! Всего остального же мало?!” — ехидничает внутренний голос.

И я уеду.

— Так как ты? — наконец шагаю в палату, закрываю за собой дверь.

— Ты должна была быть дома, — Артур внимательно следит за каждым моим шагом.

Его лицо бледное, но в целом выглядит он неплохо. Рядом с кроватью замечаю капельницу.

— Уже лучше, езжай домой, — Артур сдавливая челюсти. — Тебе здесь нечего делать. А я приеду, как меня выпишут.

— Как так получилось? — спрашиваю поспешно, будто боясь, что меня вот-вот могут выгнать отсюда.

— Случайное возгорание, затем пожар, — муж пожимает плечами и тут же шипит от движений.

— Где? — нагибаю я.

— А сама как думаешь? — Артур сужает глаза.

В этот самый момент меня прошивает мысль, что он не собирается говорить, не собирается признаваться.

Черт!

— Я знаю! — выпаливаю раньше, чем успеваю подумать. — Я слышала разговор...

— Какой разговор? — цедит муж.

— Ты... ты не положил трубку, когда звонил, — встаю перед ним, слегка возвышаясь. Это преимущество дает мне сил. — Кто та женщина?

— Лера! — Артур вдруг повышает голос. — Ты что, подслушивала? Seriously?! — его голос пропитан осуждением. — Вот это да! И это моя жена... Неожиданно. Что еще ты делаешь? В моем телефоне, может, лазишь? Следишь, пытаешься на чем-то подловить?

Дергаюсь, словно от удара.

— Ты что несешь? — слова Артура ввергают в шок. Как ему удастся все так вывернуть, будто это я его предала?! — Это ты не положил трубку, а виновата я?! Да даже это неважно! Кто та женщина? Она твоя любовница? Ты с ней спишь?

Понимаю, что Артур должен себя плохо чувствовать, и что сейчас не время и не место, но плевать. Мы поговорим, чего бы мне это не стоило! Я получу ответы на вопросы, а после... после решу, что мне делать дальше.

— Не говори ерунды, — серьезно произносит муж. — Ты единственная в моей жизни.

— Тогда с кем ты был? — всплескиваю рукой. — Чей голос я слышала в трубке?

— Тебя это не касается, — Артур смотрит мне в глаза и вдруг вздыхает. — Не думал, что ты настолько эгоистична.

— Что? — невольно хмыкаю. — Эгоистична? Ты о чем?

— Вместо того, чтобы сейчас думать обо мне, ты включила истерику, — голос мужа пропитан разочарованием. — Ты должна верить мне. Я сказал, что это не стоит твоего внимания, значит так и есть. Разговор закончен. Езжай домой! Не делай мозги!

Отступаю. Сердце сжимается в тиски. Распахиваю рот и тут же закрываю его.

— А знаешь, — пытаюсь говорить уверенно, но нижняя губа предательски дрожит. Сдавливаю руки в кулаки. — Ты прав. Брак — это доверие. И ты мое только что подорвал. Если

ты не можешь сказать, что это была за женщина — это о многом говорит. Так что... пожалуй, когда ты вернешься, меня уже не будет.

Резко разворачиваюсь к двери.

— Не смей угрожать мне! — рывкает муж. — Я тебе не твой ровесник, которого можно шантажировать такими истериками.

Замираю. Слова Артура будто ножи вгоняются в грудь, и он прокручивает их, с каждым разом делая все больнее и больнее. Оборачиваюсь через плечо. Раньше я этого не чувствовала, но сейчас разница в четырнадцать лет почему-то ощущается как пропасть между нами. Желудок сдавливает в спазме, когда я смотрю в уверенные глаза мужа.

— Это не шантаж и не истерика, — мотаю головой. — Это... — нужные слова, как назло не подбираются. — Да неважно...

Не понимаю, просто не понимаю, что сейчас происходит. Как счастливый брак за мгновение может разлететься вдребезги? И из-за чего? Из-за лжи! Еще утром я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете, а теперь... мое сердце рвется на лоскуты. Артур... мой Артур — мужчина, которого я люблю больше жизни, который никогда не вызывал сомнений, врал мне. И уже не важно, что он скажет, все его поступки говорят, что я была слепа.

— Лера! Перестань вести себя как незрелая женщина, — Артур поднимается с кровати, его лицо искажает гримаса боли, пальцы слегка подрагивают — от боли, от гнева... не понимаю. Тем не менее, он продолжает движение ко мне. — Все не так, как ты думаешь, — муж встает передо мной, буквально нависая, как скала.

— А как? Как все тогда? — почти молю о том, чтобы он ответил. Сказал хоть что-нибудь, постарался объяснить.

В серых глазах Артура плещется лед. Между нами повисает гнетущая, давящая тишина. Муж открывает рот, как вдруг...

Дверь палаты неожиданно распахивается.

— Родной, ты как? Готов ехать домой? — на пороге застывает красивая брюнетка, синие глаза которой распахиваются, когда она замечает меня. — Артур, а это кто?

Глава 4

В палате воцаряется звенящая тишина. “Родной” жужжит в ушах, словно надоедливый комар. Это слово произнесено так обыденно, словно женщина, стоящая передо мной, использует его каждый день.

Внимательно изучаю брюнетку, застывшую в дверях. Мелкие морщинки у уголков ее больших глаз выдают, что она старше меня. Невысокая, статная, с изящной фигурой, подчеркнутой синим платьем на широких бретелях — оно облегает ее тело, как вторая кожа, и заканчивается на середине бедра. Полные губы и прямая горделивая осанка создают образ уверенной в себе женщины. Лишь перебинтованное запястье правой руки и травмированная нога нарушают гармонию ее внешности.

Женщина в ответ окидывает меня оценивающим взглядом, и мне вдруг становится неловко за свой небрежный вид: мешковатая белая футболка, простые хлопковые шорты и волосы, собранные кое-как в хвост. В спешке и испуге мне было не до деталей. Но женщина, которую я вижу... она явно готовилась к этому вечеру.

— Черт! — тихое ругательство Артура выводит меня из ступора.

Моргаю, расправляю плечи.

— Да, Артур, кто это? — оборачиваюсь к мужу, прищулив глаза.

— Лена, это моя жена, Валерия, — он произносит с нажимом, глядя на брюнетку... не на меня.

Хмурюсь, где-то я уже слышала это имя. Неоформленная мысль не дает мне покоя. Пытаюсь поймать ее, но вздрагиваю, когда вижу, как вдруг женщина — Лена — оживает. Ее глаза расширяются, губы растягиваются в сияющей улыбке.

— Надо же! — вскрикивает он и буквально бросается ко мне, прихрамывая от каждого шага. Неуверенно отступаю, но не успеваю среагировать, как она обнимает меня так крепко, что я чувствую запах ее духов — терпких, дорогих. — Как же я рада, что мы наконец познакомились! — Лена отстраняется от меня, смотрит мне в лицо. — Ты такая красавица!

Застываю в немом изумлении, руки повисают вдоль тела. В смятении кошусь на Артура. Его лицо искажено гримасой раздражения. Сдавленные челюсти, сведенные к переносице брови — он явно не хотел, чтобы мы встретились.

— Так... — горло сипит. Прокашливаюсь. — Так а вы кто? — медленно выдыхаю, выпутываясь из цепких рук... Елены.

Она игриво приподнимает бровь, лукаво улыбается, стреляет в Артура быстрым взглядом.

— А я первая любовь этого прекрасного мужчины, — ее голос звучит томно, довольно. — И его первая жена.

Бум.

Мир вокруг сужается до точки, сдавливая меня в ней. Недоумение, смятение, неверие... гнев — это только часть эмоций, которые зарождаются в груди.

— Прости, что?! — вскрикиваю я, резко оборачиваясь к Артуру. — Ты же сказал, что после развода потерял с ней связь. Что она уехала из города. Что это была ошибка молодости. Что вы с ней больше не общаетесь...

Лена громко вздыхает, делает удивленные глаза, подносит руку к губам.

— Как не общаемся?! — ее голос звенит неподдельным удивлением. — Мы уже два с половиной года как вернулись в Москву. И Артур все это время был рядом.

— “Мы”?! — шире распахиваю глаза.

Не могу поверить, что слышу все это. Смотрю на Артура, но тот лишь расправляет плечи, глядя на меня сверху вниз так, будто это я сделала что-то неправильное, а не он. Низ живота

сдавливает от неверия. Это все сон... плохой сон, от которого нужно проснуться. Вгоняю ногти в ладони... больно.

— Ну да, мы — я и Ксюша — наша с Артуром дочь, — неуверенно произносит Елена.
— Милая, ты что, не знала?

Открываю и закрываю рот, не понимая, как жить с этой информацией дальше. Опускаю глаза в пол, не видя перед собой ровным счетом ничего. Дочь?! Да, я была в курсе, что двенадцать лет назад по молодости Артур женился, но эти отношения не продержались и года. И после бывшая жена уехала, оборвав все связи. А теперь... теперь я вижу, что все это вранье. Артур лгал, глядя мне в глаза. Ноги подкашиваются. Я чувствую, как сильная рука подхватывает меня под локоть.

— Не трогай меня, — отшатываюсь от Артура.

— Родной, почему ты ничего не сказал Вале? — Елена кидает на Артура осуждающий взгляд.

— Валерие, — на автомате поправляю я.

— Что прости? — Лена теперь немного недовольно смотрит на меня.

Ее брови едва заметно дергаются, губы на мгновение складываются в тонкую ниточку, прежде чем снова растянуться в улыбке.

— Меня зовут Валерия, — цежу сквозь зубы.

— Ага, но это сейчас не так важно, — Лена поджимает губы, снова вливается в Артура глазами. — Так почему ты...

— Лена, помолчи, — рычит муж, сжав кулаки. Его челюсть напряжена, взгляд черный от ярости.

Но женщина лишь смеется — легкий, серебристый смех, от которого по спине бегут мурашки.

— Да, он у нас такой — тигр, — она делает шаг ко мне, снова касается моей руки. — Надо сказать ему, чтобы он перестал. У нас не должно быть секретов. Мы же теперь одна семья... почти сестры. Согласна? — в глазах Лены плещется столько надежды, что становится тошно.

Глава 5

Отшатываюсь.

Сдвигаю брови к переносице.

Сестры? Первая жена, которая, оказывается, два года уже в Москве. Дочь, о которой я не слышала ни слова.

Каждый факт — как нож в грудь. Но главное, получается, все это время Артур общался с ними у меня за спиной, скрывал от меня... почему? Зачем?

— Хватит! — рывкает Артур, шагая к стулу. Хватает рубашку здоровой рукой. — Я устал от этого цирка. Хотите пообщаться, делайте это в другом месте.

Он дерганно пытается одеться, шумно втягивая воздух от боли. Видимо, ожог под бинтами дает о себе знать.

— Артур... — Елена делает шаг к нему. — Если бы не эти свечи, — бросает как бы между прочим.

— Я сам, — муж твердо останавливает ее.

А я стою и чувствую себя лишней. Словно меня не должно быть здесь. Боль с новой силой раздирает сердце.

— Я пойду, — произношу шепотом. Сама не понимаю, зачем вообще кому-то это сообщая.

— Сейчас выйдем все вместе, — Артур строго смотрит на меня. — Машины уже ждут.

Тихо хмыкаю. О всех позаботился. Мне хочется съязвить на тему того, в какой же дом он собирается ехать, но Елена опережает меня.

— Артур... — она нерешительно оглядывается через плечо на дверь. — Ксюша сидит там, — ее голос звучит глухо. — Думаю, ей не стоит пока знать, что у папы есть другая... — Елена запинается.

Другая.

Слово пробивает меня насквозь. Другая — вот кто я. Горечь разливается во рту. Пытаюсь ее сглотнуть, но становится только хуже.

Резко разворачиваюсь к мужу.

— Получается, твоя дочь тоже ничего не знает? Надо же, — добавляю как можно больше сарказма.

Артур закатывает глаза, будто я задаю дурацкий вопрос.

— Нет, — ровно отзывается он. — Мы с Леной решили не говорить пока что. Детская психика ранима.

Мои брови ползут вверх.

— Надо же... какая забота! — голос срывается на хрип. — Мы с Леной... А моя психика тебя не волновала? — спрашиваю с нажимом.

Артур хмыкает, больше ничего не говоря. Лишь пристально смотрит мне в глаза, будто это заставит меня успокоиться. От злости сжимаю руки в кулаки.

До меня доносится покашливание Елены.

— Потихе, пожалуйста, — настороженно просит она. — Давайте обсудим все как цивилизованные люди? Без криков, а то Ксюша может услышать.

— Цивилизованные?! — давлюсь воздухом. — Ты два года тайком встречалась с моим мужем у меня за спиной, а теперь учишь меня цивилизованности?!

— Не веди себя как истеричка! — строго чеканит Артур. — Елена по-нормальному просит тебя.

Щеки горят от унижения. Не могу поверить: как Артур может так говорить со мной при другой женщине? При его бывшей жене! Или... настоящей?

Голова идет кругом. Воздуха резко перестает хватать. Мне срочно нужно выйти отсюда, убраться как можно дальше от всего происходящего. Побывать одной, подумать. Мгновение всматриваюсь в холодные глаза мужа и... срываюсь с места.

Вылетаю из палаты. Яркий свет режет глаза. Моргаю, морщусь от специфического запаха лекарств и антисептика. Взгляд цепляется за что-то сбоку. Поворачиваю голову и... вижу девочку лет одиннадцати.

Она сидит на скамейке, уткнувшись в телефон. Длинные черные волосы собраны в растрепанный хвост, серые глаза. Тут не нужен тест ДНК, она — вылитый Артур, только в миниатюре.

Я замираю, а девочка, видимо, почувствовав чужой взгляд, поднимает на меня глаза — взволнованные, любопытные... покрасневшие от слез.

Горло сжимается. Открываю рот, сама не зная, что хочу сказать, и тут же захлопываю его. Срываюсь с места, не в силах смотреть на это живое доказательство настоящей... не другой семьи Артура.

Слезы жгут глаза, бегу, сама не знаю куда. В груди печет от боли, обиды, предательства. Воображение подкидывает картинки, как Артур сидит за столом с дочкой и Еленой, как они вместе проводят время, как Елена целует моего мужа...

Черт! Встряхиваю волосами. Не могу... не хочу думать об этом. Вылетаю на улицу. Но не успеваю спуститься по ступеням крыльца, как сильная рука Артура хватается меня за локоть.

— Пусти! — пытаюсь вырваться. Голос дрожит от проглоченных рыданий. — Ты все это время врал!

Пальцы мужа впиваются в мою руку, словно стальные капканы. Я пытаюсь вырваться, но он только сильнее сжимает хватку. Его дыхание горячее и прерывистое — не от боли, а от ярости.

— Ты не понимаешь? — колко спрашивает он. — Я заботился в первую очередь о тебе. Посмотри на себя! Ты ведешь себя, как избалованный подросток. Пора уже вырасти! Тебе двадцать семь, а не семнадцать!

Мои глаза расширяются. Сердце бьется так сильно, что, кажется, вот-вот разорвет грудную клетку.

— Заботился обо мне? — шепчу от шока и неверия. — Ты называешь это заботой? Лгать мне все эти годы? Скрывать от меня свою семью?!

Артур резко тянет меня к себе. Его лицо так близко, что я вижу, как сузились его зрачки, как напряглись мышцы челюсти.

— Я не буду обсуждать это здесь! Мы едем домой, — произносит он сквозь зубы. — И там все спокойно проясним. А то как на базаре.

Мотаю головой, чувствуя, что еще немного, и предательские слезы покатятся по щекам.

— Я никуда с тобой не поеду, — шепчу. — Я хочу подать на развод.

Мы с Артуром мгновение тараним друг друга твердыми взглядами, как вдруг его губы растягиваются в холодной усмешке. Он медленно наклоняется ко мне, его дыхание обжигает кожу.

— И в чем причина развода, Валерия? — спрашивает он тихо, с подтекстом. — Уточни для протокола.

Я чувствую, как дрожь охватывает все тело. Гнев, боль, предательство — все смешивается в один клубок.

— Если тебе недостаточно лжи длиною в наш брак, — голос звучит хрипло, — то тогда еще и измена. Ты спал с ней, да?

Артур замирает. Затем медленно выпрямляется, его лицо становится каменным.

— У тебя есть доказательства? — его голос звучит почти игриво, но в глазах — лед. — Фото? Видео? Свидетели?

Шумно втягиваю воздух, но он застревает в горле, сталкиваясь с комом, который все никак не проталкивается.

— Мне достаточно того, что я слышала и... видела, — шиплю я.

Артур снова хмыкает, сужает глаза.

— Тогда слушай внимательно, — он произносит это таким тоном, что мороз бежит по спине. — Я дам тебе развод только в одном случае — если ты предъявишь доказательства моей измены. А все остальное — твои фантазии. Они не считаются. В отличие от тебя, я дорожу нашей семьей. Так что давай, милая, не глупи, и поехали домой. Я очень устал и плохо себя чувствую. И мне нужна забота моей жены, — Артур делает шаг ближе, тянется рукой к моей щеке.

Уже собираюсь дернуться от него, ответить что-нибудь колкое, как вдруг сзади раздается звонкий детский голос.

— Пап? Мама сказала, что мы можем ехать...

Артур резко отстраняется, но я не успеваю увидеть его реакцию — сбоку появляется та самая девочка. Она смотрит на меня большими серыми глазами, точь-в-точь как у отца, а после переводит удивленный взгляд на Артура и нерешительно спрашивает:

— Папа... ты что, изменяешь маме?

Глава 6

Лицо девочки искажается от боли, в глазах — предательство, которое я знаю слишком хорошо. Сама его испытываю, стоя сейчас здесь.

— Ксюша, — Елена выходит следом. — Куда ты убежала?!

Серое пальто наброшено на плечи. Она видит нас и непроизвольно распахивает рот.

— Я же сказал подождать, — цедит Артур.

— Я... — Елена сглатывает. — Я думала, вы уже уехали. Ты же сказал, дать пять минут.

“Пять минут” — хмыкаю про себя. Артур думал, что я вот так легко поеду домой... за пять минут.

Мотаю головой, опускаю глаза.

— Я видела, как эта тетя выходила из палаты папы, — Ксюша все еще пристально смотрит на меня, сдвинув брови к нахмуренному носу.

— Милая, пойдем, — Елена приобнимает ее за плечи здоровой рукой. — Нам пора домой.

Девочка даже не двигается. Она не отводит от меня внимательного взгляда. Ее маленькие пальцы сжимают рукава розовой курточки, а губы дрожат. Я чувствую ее боль — точно такая же раздирает и мою грудь. Только Ксюша еще ребенок. Ей всего одиннадцать.

— Пап... — ее упрямый голосок дрожит. — Так кто это? Вы целовались?

Рука Артура, до сих пор сжимающая мой локоть, напрягается еще сильнее. Тихо шиплю. Вижу, как он сужает глаза, раздумывая, что сказать. Его недовольный взгляд на мгновение мечется к Елене — словно только ей понятный безмолвный сигнал.

— Это... моя хорошая знакомая, — каждое его слово звучит неестественно ровно. — Валерия.

Вздрагиваю от такого представления. Другая... знакомая... кем я еще буду за сегодня?

Елена быстро кивает, наклоняется к дочке. На ее лица застыла натянутая улыбка.

— Да, милая, — мягко произносит она. — Мы все... хорошо знакомы. А теперь пойдем, папе нужно отдохнуть.

Но Ксюша не двигается. Она продолжает смотреть на меня с такой пронзительной детской проницательностью, что мне становится не по себе. Словно ее ничем не обманешь.

— Тогда почему она на тебя так смотрит и стоит рядом? — вдруг спрашивает Ксюша, и в ее голосе слышится что-то большее, чем просто вопрос. Она жуёт губу и вдруг выпаливает: — Зачем ты врешь?!

— Ксюша! — Елена резко хватается дочку за руку. — Как ты разговариваешь со взрослыми?!

Воздух вокруг нас становится густым. Пальцы Артура впиваются в мою руку до такой степени, что наверняка даже через одежду останутся синяки. Видимо, он предостерегает меня от лишних разговоров. Но я больше не могу этого выносить.

Я смотрю на малышку, и чувствую, что мы с ней в одной лодке. Она имеет право знать правду. А я... я имею право на справедливость. Ведь это я жена! Это мне изменили! Это меня так нагло обманывали два года... а может и больше.

И нет, это не месть, а элементарное желание восстановить справедливость.

Выпутываюсь из хватки Артура, грубо сбрасывая его руку. Чувствую, как он прожигает меня взглядом, но, видимо, при дочери не рискует ничего предпринимать. Делаю шаг вперед, опускаюсь перед девочкой на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне. Ее до боли знакомые глаза широко распахиваются.

— Милая, — говорю как можно мягче. Все-таки ребенок не заслужил всего этого. Сердце колотится так, что кажется, вот-вот вырвется из груди. Я знаю, что сейчас сделаю больно

Ксюше. Но разве ложь будет лучше? — Мы с твоим папой не просто знакомые, а... очень близки, — стараюсь подбирать слова.

— Лера! — рявкает Артур

Но я оказываюсь быстрее.

— Я... часть вашей семьи, — произношу на выдохе.

Гнетущая тишина ложится на нас тяжелым покрывалом.

Я вижу, как брови Ксюши взлетают вверх. Ее лицо сначала бледнеет, потом покрывается красными пятнами. Глаза наполняются слезами, которые тут же катятся по щекам, оставляя мокрые дорожки. Девочка резко отшатывается от меня.

— Нет! — пронзительно вскрикивает она. — Ты не нужна нашей семье. У папы есть мама!

Ее слова бьют наотмашь, поэтому я не успеваю среагировать, когда она резко разворачивается и бросается в сторону. Елена пытается ухватить ее за рукав, но Ксюша вырывается и сбегает вниз по ступенькам.

— Доча! Подожди! — Елена резко разворачивается ко мне, впивается в меня полным укора взглядом, а после устремляется за Ксюшей, слегка прихрамывая.

Я же остаюсь на корточках, чувствуя, как рыдания подступаю к горлу. Сожаление тут же опалает грудь. Еще немного, и я расплачусь. Шмыгаю носом.

За спиной раздается резкий вдох.

— Довольна? — голос Артура звучит хрипло и опасно тихо. — Этого ты добивалась? Ребенок-то тут причем? Тебя же просили...

Медленно поднимаюсь, вытирая лицо рукавом куртки.

— Я просто сказала правду, — шепчу, разворачиваясь к мужу. — Видишь, это не так сложно.

Лицо Артура искажается гримасой ярости.

— Правду? — он делает шаг ко мне. — Своей правдой ты можешь разрушить жизнь ребенку! И ради чего? Ради чертовой бабской мести?!

Отступаю, но Артур перехватывает меня за плечо.

— Я пытался быть с тобой милым, — рычит он. — Старался решить все спокойно. Но нет, тебе такой вариант не подходит. Эгоизм решила показать. Понимаете ли, гордость задела.

— Что ты... — пробую вырваться из жесткой хватки, но Артур не пускает.

— Нет, любимая, — цедит он сквозь зубы. И его "любимая" звучит как издевательство. — Слишком много воли я тебе дал. Хватит! Как только Ксюша успокоится, ты извинишься перед ней. И перед Леной тоже! Из-за тебя она с травмой должна вылавливать дочь в истерике! Если с Ксюшей что-то случится, это будет на твоей совести.

На этом он отпускает меня и развернувшись, быстро спускается вслед за своей первой семьей.

А я остаюсь одна на пустом крыльце больницы, сжимая кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони.

Мне кажется, что где-то вдалеке я слышу детский плач... или это мой собственный?

Глава 7

Дом встречает меня обманчивой тишиной. С силой хлопаю дверью, чтобы хоть как-то сбросить напряжение. Не помогает!

Гулкое эхо раздается от каждого моего шага по длинному холлу. Проношусь мимо огромного зеркала во всю стену, где мелькает мое отражение — растрепанные волосы, красные глаза, лицо, искаженное то ли болью, то ли гневом. Я сейчас напоминаю тень самой себя — привидение. Мраморный розово-бежевый пол блестит под светом хрустальной люстры, на стенах висят несколько моих картин, которые я старательно рисовала, чтобы сделать наш дом уютнее, теплее. Теперь все это кажется глупым, бестолковым, ненужным.

Залетаю на первую ступеньку лестницы, бегу наверх, слишком спешу, отчего спотыкаюсь, больно ударяясь большим пальцем. Шиплю сквозь зубы, на мгновение останавливаясь, но тут же выпрямляюсь, двигаюсь дальше — эта физическая боль — ничто по сравнению с той, которая разрывает грудь. Хотя еще в такси, пока ехала сюда, я, кажется, выплакала все слезы. А сейчас их выжигает ярость.

Я не стала дожидаться Артура около больницы, хотя видела на стоянке две его машины. Видимо, одна предназначалась для меня, вторая — для другой семьи. Но мне точно не хотелось уточнять, в какой именно внедорожник сядет сам Артур. Я сделала выбор за него, пока он искал дочь.

Внезапное чувство вины колет сердце. Ксюша еще совсем ребенок. Права ли была я, сказав ей все это? С другой стороны, я, как могла, пыталась смягчить удар, подбирая слова для правды, которую должны были рассказать родители девочки, а не я. Так что... моей вины здесь нет!

Но как так получилось, что Ксюша ни о чем не догадывалась? Как она могла думать, что Елена с Артуром вместе, если он с ними не живет?! Хотя... я сама недалеко ушла. Тоже ничего не замечала. Верила... как дура!

Встряхиваю волосами, пытаюсь отогнать от себя гнетущие мысли. Сейчас не время об этом думать. Позже... буду страдать позже.

Врываюсь в спальню, прохожу мимо огромной кровати с шелковым кофейного цвета покрывалом. В дальнем углу стоит комод с нашими семейными фотографиями, на которых мы счастливы. Тогда все было хорошо, а сейчас...

Вхожу в просторную гардеробную, разделенную пополам. Слева — мои вещи. Справа — костюмы Артура, рубашки, галстуки. Все такое... идеальное, как и его ложь. Хочется сжечь вещи мужа к чертям, сорвать с вешалок и топтать, сминая и пачкая каждую из них. Но не трачу на это лишние минуты. Не хочу встречаться с Артуром, поэтому спешу.

Вытаскиваю из-под полок серый небольшой чемодан, распаиваю его. Крышка глухо ударяется о пуфик, стоящий в центре гардеробной. Начинаю сгребать вещи — белье, джинсы, футболки. Все, что попадется под руку. Что-то падает мимо чемодана, но мне все равно. Злость застилает глаза. С остервенением срываю одежду с полок, вымещая на ней весь свой гнев.

— И долго продлится это представление? — спокойный голос за спиной заставляет вздрогнуть.

От испуга водолазка, которую я только что взяла, выпадает из рук. Сердце заходится в бешеном ритме. Резко оборачиваюсь.

Артур стоит в дверях. Его лицо — маска холодного гнева. Губы сжаты в тонкую белую полоску, между бровей — вертикальная складка. Но в глазах... в глазах сплошной лед.

— С Ксюшей все хорошо? Ее нашли? — вопросы вылетают быстрее, чем я успеваю их остановить.

— Да, — Артур смотрит на меня с легким прищуром. — Иначе меня бы здесь не было.

Повисает тишина. Мгновение мы тараним друг друга тяжелыми взглядами. Не выдерживая первая, отворачиваюсь тянусь за очередной кофтой, чтобы бросить ее в чемодан.

— Лера, мне кажется, ты чего-то не поняла, — Артур внезапно оказывается рядом, вырывает из моих рук черный свитер, швыряет его через всю комнату. — Ты никуда не уйдешь!

Вздрагиваю от агрессии, исходящей от мужа. Раньше я не ощущала ее на себе. Да, со своими сотрудниками Артур бывал... нетерпим, но я впервые вижу его таким дома. Низ живота сводит от волнения.

— Зачем я тебе? — разворачиваюсь к мужу, сжимая руки в кулаки. Грудь тяжело вздымается от каждого вдоха. В висках стучит. — Чтобы продолжать врать мне в лицо? — меня снова начинает трясти.

— Ты моя любимая жена, — в словах Артура слышна ядовитая насмешка.

— А Елена не любимая? — повышаю голос.

— Оставь ее в покое! — рывкает муж. — Она здесь ни причем. Ей и так сейчас тяжело.

— Она как раз и причем! — беру первую попавшуюся вещь с полки и кидаю ее со всей силы в пол, отворачиваюсь от Артура, но он перехватывает меня за плечо, разворачивает обратно. — Это все происходит в том числе и из-за нее...

— Нет, милая, — цедит Артур. — Это все происходит из-за тебя. Я не понимаю, почему ты не можешь адекватно принять ситуацию. Ничего такого в ней нет!

Хватаю ртом воздух от возмущения. Ничего такого в ней нет? Серьезно?! Не могу поверить, что слышу это!

— Ты не рассказал мне про дочь, — загибаю палец. — Про то, что твоя первая семья уже два года как живет у нас под боком, — второй палец. Голос срывается. — Что у тебя есть дочь... и что ты тесно общаешься с бывшей женой, — третий палец. — И говоришь, что ничего такого в этом нет?! — всплескиваю рукой.

— Это все было до тебя и тебя не касается, — тон Артура ледяной.

— А знаешь... — распахиваю глаза шире, хотя кажется, что больше уже некуда. Мне столько всего хочется сказать... но я не вижу в этом смысла. — Да пошел ты! — отталкиваю мужа. Артур резко втягивает воздух, сжимает зубы. Видимо, я попала в обожженное плечо. Но мне плевать. — Пошло все это куда подальше! Я ухожу.

— И куда ты пойдешь? — Артур вдруг расслабляется. На его лице мелькает усмешка. — У тебя никого нет.

— У меня есть отец, — огрызаюсь.

— Да, — кивает муж. — Только он живет с молоденькой пассией, которой ты явно не пришлась по душе, — ухмылка становится очевидной.

Сердце сжимается при упоминании об этом. Закусываю щеку. Мама... она умерла от рака год назад. И прямо на похоронах папа... признался мне, что еще до ее смерти он... начал изменять ей с молоденькой девицей на пять лет младше меня. Мама знала. Увидела случайно фото на его телефоне. Но ничего не стала делать, потому что не находила в этом смысла — ей на тот момент оставалось уже недолго. Она умерла с болью на сердце. А папа... он привел эту дрянь в нашу двухкомнатную квартиру через месяц после похорон. И мы с ним перестали общаться. Остались только поздравления по праздникам и все. Я до сих пор зла на отца из-за его предательства!

Жую губу, стараясь не всхлипнуть. Не хочу думать еще и об этом.

— Вот видишь, — Артур вдруг поднимает руку, проводит ей по моим волосами, пропускает выбившиеся пряди сквозь пальцы. — Да и все твои подруги замужем и с детьми. Куда ты пойдешь? Ты никому не нужна кроме меня.

Мне требуется мгновение, чтобы осознать его слова. И еще мгновение, чтобы придумать хоть какой-то ответ.

— Ничего, — резко дергаю головой в сторону, отстраняясь от неуместной ласки. — Я сниму номер. У одного из твоих клиентов сеть отелей. Воспользуюсь скидкой...

— Не смей! — Артур внезапно прижимает меня к полкам, надавливая ладонью на ключицу. Его лицо искажено яростью. — Даже не думай ставить моих клиентов в известность наших... препираний!

В голове мелькает понимание.

— Что, боишься, что они подумают? — выплевываю как можно грубее. — Раз не удержал семью, то и с деньгами не справишься. Но ничего, у тебя есть еще одна семья... запасная.

Артур замирает. Его глаза темнеют, взгляд становится жестче.

— Они все знают именно твою красивую мордашку. И именно ты являешься приложением ко мне, — слова Артура вгоняются иглами в самое сердце. — А я не намерен этого менять. Меня все устраивает. Тебя — тоже. Ты ни в чем не нуждаешься. Я исполняю любую твою прихоть. Так что цени это. И хватит артачиться!

Невольно пытаюсь отодвинуться от обжигающей руки, давящей на грудь, вжимаюсь лопатками в острый край полки, ошарашено смотрю в глаза мужу. В них нет ни капли раскаения — только холодный расчет и... торжество. Он уверен в своей победе. Всегда был уверен.

— Ладно, я устал, — Артур выдыхает, слегка отстраняется, позволяя мне наконец глубоко вздохнуть. Прикрываю глаза, стараясь прийти в себя, и резко распахиваю веки, когда муж вдруг хватает меня за подбородок, крепко сжимает его. Пробую выдернуть голову, но Артур почти до боли сдавливая пальцы. Заставляет смотреть на него. — На всякий случай предупрежу: если ты все же решишь подать на развод, я отберу у тебя все. Дом, который и так мой. Машину. Даже твою художественную студию, — он делает паузу, наслаждаясь моей ошарашенной реакцией. — Черт! Я был слишком добр к тебе, и только сейчас вижу, как избаловал тебя. А ты вообще не ценишь этого. Так что... будем тебя воспитывать.

Я чувствую, как пол уходит из-под ног. Мир вокруг меня окончательно рушится. Но самое страшное — не угрозы Артура, а его глаза. В них нет ни любви, ни жалости. Только желание сделать так, чтобы все было так, как этого хочет он.

Словно в замедленной съемке вижу, как Артур наклоняется ко мне, его губы почти касаются моего уха. Шепот обжигает, словно ледяной ожог.

— И еще, — он четко произносит каждое слово. — Если ты уйдешь, то разрушишь саму себя. В конечном итоге ты останешься без гроша, без репутации, без будущего. Потому что все это даю тебе именно я!

Артур отстраняется. В его глазах — не угроза. Обещание.

— Выбирай, Лера. Но помни — в этой игре у тебя нет шансов.

И в этот момент я понимаю — человека, которого я любила, никогда не существовало. Я влюбилась в иллюзию, мною же и придуманную.

Глава 8

— Алло, как там Ксюша? — слышится из спальни, стоит Артуру выйти из гардеробной. “Беспокоится о дочери,” — скалится внутренний голос, а я стою в недоумении от угроз мужа, произнесенных в мой адрес.

Как в одночасье из заботливого и любящего мужчины он превратиться в... мудака? Меня трясет. Но мне просто нужно время, чтобы прийти в себя, осознать, что происходит. Мне необходимо убраться из дома... подальше от Артура. Вот только сердце сдавливает от чувства несправедливости. Даже если я уйду, у Артура все равно останется семья... первая семья. А у меня только кровавая рана в груди и никому ненужная любовь.

Съезжаю на пол, подтягиваю к себе ноги, обнимаю их за колени. Чувство одиночества давит на виски. Я сильная, но сейчас никак не могу собраться. Мне хочется, чтобы кто-то родной оказался сейчас рядом со мной, поэтому тянусь к телефону, валяющемуся на пуфике, и набираю номер, по которому не звонила уже несколько месяцев.

Желудок сводит в ожидании. Длинные гудки раздаются эхом в голове. Я уже хочу сбросить звонок, когда на другом конце раздается тихое:

— Алло, — мягкий голос папы звучит в трубке. — Маленькая моя, ты чего так поздно?

— Привет, — прокашливаюсь, в горле саднит. — Я... пап, мне очень плохо, — всхлипываю, не выдерживая напряжения.

— Милая, ну ты чего? — беспокойно спрашивает отец.

И от этого неподдельного волнения меня прорывает. Я не могу сдержать вновь просящихся наружу слез. Мне кажется, что папа искренне обо мне переживает, и мне хочется, как в детстве, прижаться к нему, чтобы оказаться в крепких сильных руках, которые защитят меня от всех бед.

— Пап, у меня проблемы, — шмыгаю носом. — Артур мне изменяет... и не просто изменяет, у него на стороне вторая семья. Представляешь? Там уже взрослая дочь...

— Подожди, — перебивает отец. — Как взрослая дочь? Сколько ей?

— Одиннадцать, — произношу сипло.

— Ничего не понимаю, — в трубке слышен резкий выдох. — Но тогда получается, что любовница — это ты. Вы же с ним меньше вместе. Или это не его ребенок?

Слова папы звучат словно пощечина. Морщусь, набираю в грудь как можно больше воздуха и выдаю все, что знаю. Папа внимательно слушает, не перебивая. И это ободряет. Я представляю, как он в этот момент запускает руку в светлые волосы, в которых не видна седина, как хмурит кустистые брови, сдвигая из над орлиным носом, жует тонкую губу.

— В общем вот так, — заканчиваю свою тирраду.

После этого становится легче. Мне нужно было выговориться. Внутри теперь словно пустошь, но это лучше, чем сносящие с ног эмоции.

— Вот тебе на, — задумчиво выдает папа. — Ох, милая, крепись. Ты у меня сильная девочка. Это просто нужно пережить. Оно отболит... пройдет. Больно, когда только случается, а потом все забудется.

— Я надеюсь, — киваю самой себе. — Пап, а могу я попросить тебя кое о чем? — вопрос звучит неуверенно.

— Конечно, Лера, — папа называет меня по имени, а значит, сейчас он максимально серьезен. И это хорошо.

Облизываю пересохшие губы, мне нужно мгновение, чтобы собраться.

— А могу я временно пожить у вас? — выпаливаю, словно спрыгиваю с высоты в воду.

В трубке повисает тишина. Я жду, не торопя отца. Это сложное решение, потому что мы давно не виделись. Да и с Юлей, пассией папы, мы в плохих отношениях. Но все-таки, это и моя квартира тоже. Я жила в ней больше двадцати лет. Надеюсь, что папа мне не откажет.

— Милая моя, — тихо вздыхает отец. — Не думаю, что это хорошая идея. Прости, но у нас и так мало места. А Юлечка, моя девочка... Мы давно не общались с тобой, так что ты не знаешь. Она... в положении. Ей нужен покой. А ты... твоё присутствие будет её только нервировать.

Часто моргаю, пытаюсь понять... осмыслить слова отца. Перед глазами встает та самая Юлечка — высокая выбеленная блондинка с волосами до плеч и накаченными губами, которые разъезжаются в ехидной ухмылке при каждой встрече со мной.

Не могу поверить... я объяснила папе все, что со мной сейчас происходит, рассказала, в какой оказалась ситуации. А он... неужели мне нужно уговаривать собственного отца, чтобы он пустил меня домой?! Сердце сдавливает в стальные тиски, обкручивает колючей проволокой. Тошнота подступает к горлу. Кладу руку на грудь, собираю кофту в кулак.

— Милая, ну зачем тебе уходить? — еле слышно произносит отец. — Артур от тебя не отказывается, не выгоняет. Ну даже если изменил... это же мужская натура. Мы самцы. Да и с бывшей женой разве считается?! Сама подумай. Ты должна быть мудрее.

— Что ты такое говоришь? — шепчу. От шока широко распахиваю глаза. Брови ползут вверх. — Папа, ты сейчас серьезно?

— Как никогда, — тон отца вдруг становится строгим. — Ты должна гордиться, что на твоего мужчину засматриваются другие женщины. Главное, что он возвращается к тебе. Так что давай возьми себя в руки. Иди к Артуру и извинись за свое поведение. А то мне становится за тебя стыдно. Уж слишком много ты требуешь от здорового мужика!

Распахиваю рот и тут же медленно закрываю его. Меня снова начинает трясти. К горлу подкатывает тошнота, пытаюсь сглотнуть её, но никак не получается. И тут я должна извиняться! Горько усмехаюсь. Надо же, и здесь я виновата.

— И тем более, думаешь Юлечке будет приятно смотреть на твои страдания? Ей сейчас нужны только положительные эмоции, — уже более мягко добавляет отец. — Милая, ты должна меня понять!

— Нет, папа, — мотаю головой, не узнавая свой глухой голос. — Не понимаю...

Папа что-то еще говорит в ответ, но я больше не слушаю — сбрасываю вызов. Артур прав, я не нужна даже родному отцу. Как бы он не говорил, что любит меня, но по факту, отец сделал выбор в пользу... другой женщины.

И вот теперь чувство одиночества с полной силой обрушивается на меня. До меня наконец доходит, в какой яме я оказалась, и никто не поможет мне из нее выбраться... кроме меня самой.

Глава 9

Я просыпаюсь от резкой боли в шее. Все тело будто переехал каток — спина и поясница ноют, руки затекли, ноги скованы спазмом. Медленно открываю глаза, но ресницы не дают этого сделать — они слиплись настолько, что буквально приходится отдирать их друг от друга. Во рту сухость и горло дерет, словно мне туда насыпали песка.

Когда все-таки мне удастся разлепить веки, не сразу понимаю, где нахожусь. Моргаю, избавляясь от рези в глазах. Приподнимаюсь на локтях, оглядываюсь по сторонам. Я на полу в гардеробной в ворохе разбросанной одежды. Не помню, как уснула. Честно говоря, я вообще ничего не помню после разговора с отцом. Видимо, в совокупности со всем произошедшем он меня доконал. Сверху на меня наброшено покрывало с кровати — скорее всего, первое, что попало под руку Артуру. Но вместо заботы в этом жесте чувствуется что-то снисходительное, унижительное. Будто я несчастный щенок, брошенный на улице, которому вынесли коробку, чтобы его не заливал дождь.

Пытаюсь пошевелиться, но нога запутывается в складках покрывала. Тихо стону, выпутывая ее.

— Проснулась? — сверху раздается насмешливый голос.

Вздрагиваю от неожиданности. Медленно поднимаю голову. Артур стоит у шкафа в расстегнутой вчерашней рубашке и выбирает новую свежую. Его пальцы привычно пробегают по рукавам, что-то прикидывая. Наконец он останавливается на черной. Тянется к вешалке, но тут же резко опускает руку, тихо выругивается. Похоже ему больно, но он быстро справляется с этим, буквально сдирает рубашку с вешалки, так и не поворачиваясь ко мне.

Горло сжимается. Вчерашние события, разговор, угрозы, слезы — для него словно ничего не было. Он, похоже, решил, что я смирилась, приняла все, что случилось вчера. Но это не так. Пока вчера не уснула, я четко решила, что уйду. Пока не знаю куда, но придумаю, лишь бы подальше отсюда.

Наконец сажусь. Артур бросает на меня беглый взгляд — холодный, оценивающий. В его глазах нет ни капли сочувствия, переживания. Только... раздражение. Как на нашкодившего ребенка, который все никак не хочет признавать свою вину.

— Ты выглядишь... не очень, — констатирует он, аккуратно складывая рубашку. Почему-то не надевает ее. — Сходи в душ. Приведи себя в порядок.

Его тон такой ровный, будто мы и не ругались. Будто Артур не грозился разрушить мою жизнь. Но и тепла больше в нем нет, не заботливой нежности и... любви. Все эмоции и чувства ушли, испарились.

Но самое удивительное — похоже, Артур действительно верит, что я смирюсь. Что приму его правила... останусь.

Сжимаю кулаки.

— Почему ты меня не разбудил? — хриплю я.

— Звонил твой отец, — Артур неторопливо открывает ящик, выбирает галстук. — Оказывается, ты умоляла его приютить тебя, — шумно выдыхает, достает один из них. — Хотя я вчера предельно ясно сказал, чтобы ты об этом не думала, — резко захлопывает ящик. — Так что я решил дать тебе возможность тебе почувствовать, каково это спать на полу, как последняя попрошайка... Чтобы ты наглядно представила свое будущее, если осмелишься перечить мне снова.

До меня доносится довольное хмыканье. Сильнее впиваюсь ногтями в ладони. Артура разворачивается ко мне. Мгновение всматривается в мое лицо. Его глаза ничего не выражают, кроме снисхождения.

— Родная, ну чего ты злишься? — его тон становится мягче. — Я же накрыл тебя, так что заболеть ты не должна. А мог бы и этого не делать. Но как иначе мне показать, что ты неправа?!

— Ты монстр, — рычу сквозь зубы.

— Да нет же, — Артур хмурится, между его бровями залегает неглубокая морщина. — Просто мой актив немного взбунтовался, и я напоминаю ему его место, — он говорит об этом так обыденно, словно о прогнозе погоды.

А я же хватаю ртом воздух. Меня сравнили с вещью, приносящей доход! Такого унижения я еще никогда не испытывала. Резко вскакиваю, отшвыриваю ногой покрывало. Бросаюсь вперед, сама не осознавая, что именно делаю. Подлетаю к Артуру, замахиваюсь, но в следующую секунду он уже жестко сжимает мое запястье. Ладонь так и не долетела до его лица.

— Никогда... слышишь? Никогда не смей поднимать на меня руку! — выплевывает он. В его глазах пылает настоящая ярость.

Сглатываю, но не отступаю. Уже распахиваю рот, чтобы наорать на него, как вдруг вся злорада на лице Артура испаряется, уступая место прорвавшейся боли. Он хрипит, отпускает меня, отступает, хватаясь за бок. На белой рубашке под мышкой и на рукаве появляются желтоватые пятна.

— Черт! — цедит Артур.

Ожог! Видимо, открылась рана.

— Ты в порядке? — на мгновение забываюсь.

Видеть страдание другого человека... отвратительно. Сердце начинает биться чаще, словно птица в клетке.

Артур все еще хмурится, но переводит на меня глаза, лучащиеся довольством.

— Во-о-от, — мягко произносит он. — Теперь я вижу свою заботливую женушку. Такой и оставайся, — муж тянется к моей щеке, но я резко отбиваю его руку.

— Не смей меня трогать, — гнев возвращается с новой силой.

Артур замирает с рукой, повисшей в воздухе, впивается в меня вновь раздраженным взглядом. Но я не отворачиваюсь. Между нами искрит напряжение, воздух электризуется с каждой секундой все больше. Но я не сдаюсь — не в этот раз.

— Ладно, — Артур вдруг резко моргает. — Мне, действительно, нужно в больницу. На перевязку, — его голос звучит сосредоточенно, сквозь стиснутые зубы. Муж делает шаг назад. Он скользит холодным взглядом по моему лицу, явно оценивая реакцию. — Рана, и правда, доставляет... определенные неудобства, — его губы плотно сжимаются в тонкую белую полоску, ноздри слегка раздуваются.

Артур обходит меня, направляется к выходу, но внезапно останавливается. Когда он оборачивается, на его лице уже видна уверенная полуулыбка.

— Вечером, — в его голосе появляются те самые, хорошо знакомые мне нотки — теплые, почти нежные, но с металлическим оттенком приказа, — мы с Леной решили, что приедем к ним с Ксюшей в гости. Нам нужно подумать, как всем вместе существовать дальше.

Повисает пауза. Артур дает мне время осознать его слова. Его взгляд становится тяжелым, давящим.

— Что? Да вы в своем уме?! — вскрикиваю. Неверие простреливает до кончиков пальцев.

— Будь готова к семи, — обрывает меня Артур.

Последняя фраза звучит не как предложение, а как ультиматум. Муж не спрашивает — он сообщает. И в этом вся суть Артура — даже в боли, даже после вчерашнего скандала, он продолжает контролировать ситуацию. Продолжает контролировать меня.

На этом он выходит из гардеробной, оставляя меня одну.

Втягиваю спертый воздух, пытаюсь наполнить им легкие, но не получается. Не могу поверить, что вместо того, чтобы извиниться, Артур сделал вид, что ничего не произошло. И... предложил встретиться с его первой женой, чтобы что? Составить расписание его посещений?

Тошнота подкатывает к горлу. Становится настолько противно, будто меня вывалили в помоях.

Резко бросаюсь к чемодану, захлопываю его, запихиваю часть выбившейся одежды внутрь. Застегиваю молнию. Переодеваюсь в первые попавшиеся вещи. Жду минут десять, чтобы наверняка не встретиться с Артуром, а после качу чемодан вниз, хватаю сумочку, где лежат паспорт и карта.

“Убраться... убраться отсюда как можно быстрее и дальше!” — эта мысль молоточком бьется в висках. А уже там буду думать, что делать дальше.

Голова дико раскалывается, но я не обращаю на это внимания. Обуваюсь, накидываю куртку. Берусь за ручку двери, второй рукой сжимаю чемодан. Глубоко вдыхаю. Тяну на себя створку, делаю шаг вперед и... буквально врезаюсь в Елену.

— Поговорим? — ее голос пропитан фальшивой заботой.

Глава 10

— Мне некогда, — прячу чемодан за дверь.

Смотреть на Елену в сером пальто и с ярко-красными губами, если честно, неприятно. Разговаривать с ней... тоже не вижу смысла.

— Думаю, пять минут найдется, — Елена склоняет голову на бок. — Ну же, будь умной девочкой, — она усмехается. — Мы с тобой в одной лодке. Нас ждет интересный вечер. И я бы хотела подготовиться, чтобы больше не произошло того, что было вчера, — в ее словах слышно предупреждение, которое она скрывает за добродушной улыбкой.

Всматриваюсь в Елену и не понимаю, где она настоящая. Мне кажется, все, что я вижу — это маски, которые она надевает для каждого случая. Становится не по себе. У меня от нее бегут мурашки. Неужели она такая прекрасная актриса?

— А что было вчера? — спрашиваю в вызовом, сильнее сдвигая ручку двери, встаю так, чтобы не возникло даже маленького намека на то, что я приглашу Елену в дом.

Она на мгновение впивается в меня изучающим взглядом, будто оценивает, а после кивает... видимо, самой себе.

— Ксюша... я здесь только из-за дочери, — Елена пожимает плечами, немного расслабляясь. — Ты своей выходкой довела ее до такой истерики, что у нее поднялась температура. Поэтому я настоятельно хочу попросить: следи сегодня за своими словами... мы с Артуром хотели бы плавно ввести тебя в... нашу семью.

Собственные слова царапают слух. Я сама их выбрала. Теперь слышу, как глупо они звучат со стороны.

— Так почему не сделали этого раньше? — выплевываю вопрос, злясь больше на себя.

Сейчас в голову приходят десяток “правильных фраз”, которые можно было сказать вчера, но уже ничего не поделаешь. Как говорится, умная мысля... Черт!

— Раньше не было такой необходимости, — Елена переступает с ноги на ногу, сильнее закутывается в пальто. Видимо, на каблуках неудобно долго стоять. Ничего, не переломится. — Все же было хорошо... до этого. Ты ни о чем не догадывалась, и так всем было спокойнее. Теперь я понимаю, почему Артур не говорил тебе... — она приподнимает бровь, глядя на меня свысока. Сжимаю зубы. — В любом случае... Ксюше нужен отец. И я не позволю тебе отнять его у нас.

— Скажи вы оба правду, и не было бы сейчас вот этой ситуации, — рычу я, слегка наклоняясь вперед.

— Теперь ты все знаешь, и что дальше? Тебе стало легче? — Елена сужает глаза. Ее тон становится тверже. — Думаешь, скажи мы раньше, что-то бы изменилось?

Закусываю губу. Честно говоря, не знаю, изменилось бы что-то или нет. Но я хотя бы не чувствовала себя настолько преданной.

— Вы с Артуром спали? — вопрос вырывается сам собой. Не успеваю себя остановить, но и забирать обратно его не собираюсь.

— Смотря когда, — уклончиво отвечает Елена, медленно качая головой из стороны в сторону.

— За последние два года? — прокручиваю ручку двери в руке.

Ее острые края ощутимо впиваются в ладонь. Боль то, что сейчас нужно — она хоть немного отвлекает меня от того урагана, что творится внутри. Все слишком запутанно, и в то же время слишком легко. Сердце еще отчаянно пытается цепляться за жизнь, которая сутки назад была самой лучшей на свете, но мозг требует уходить. И чем быстрее, тем лучше.

— Слушай, — Елена облизывает красные губы, — не втягивай меня в ваши разборки. Об этом говори с Артуром. Он сам расскажет тебе то, что посчитает нужным. Я знаю, что ты

ему нужна и не собираюсь вредить ему. Так что задавай вопросы мужу. Мне важно только то, чтобы сегодняшний вечер прошел гладко, и моя дочь в дальнейшем ни в чем не нуждалась... в том числе, и во внимании отца. До вчерашнего дня у нас было все шикарно. Артур был с нами, когда это было нужно. А теперь... — ее глаза вдруг загораются удовольствием. Елена аж распахивает их шире. — Слушай, хочешь, составим график посещений Артура, чтобы легче было?

Чего? Она шутит? Это же шутка? Не может же Елена всерьез предложить такое? Как она себе это представляет: день Артур живет со мной, день — с ними. Так что ли?

— Вы в своем уме?! — мои брови ползут вверх.

Моргаю. Мне хочется прочистить уши, чтобы понять, что все это мне не послышалось. Это уже выходит за грань всего.

— А ты?! — немного надменно отвечает Елена. — У тебя у самой с головой все в порядке? Живешь в шоколаде, занимаешься... рисованием в свое удовольствие, — она встряхивает волосами, чтобы скрыть пренебрежение. — Думаешь, я не заметила чемодан, когда ты открыла дверь? Просто будь паинькой и прими все условия, которые предложит наш Артур. И тогда мы все ни в чем не будем нуждаться, — она с надеждой смотрит мне в глаза.

— Это моя жизнь! Я сама решу, что мне делать, — цежу я.

Хватит! Пора прекращать этот балаган.

— Эта жизнь уже давно не твоя. Ты просто не замечала... — Елена с сочувствием смотрит на меня. — В общем, будь умнее. Потом впоследствии мы притремся друг к другу, и станет легче. А пока что не делай ничего, что могло бы навредить нам обоим. И не трогай мою дочь! Это все, что я хотела сказать, — на мгновение в ее глазах мелькает сочувствие, от которого в горле встает ком. — Да уж, нам с тобой будет очень весело, — хмыкает она.

И это становится последней каплей.

— Я вас услышала, — как можно спокойнее отвечаю я, хотя на языке крутится определенное направление, куда хочется послать Елену. — А теперь всего доброго! — отступаю в дом и с грохотом захлопываю дверь прямо перед ее носом. Прижимаюсь лбом к прохладному дереву.

Жду, что Елена постучится еще раз, но с другой стороны слышится лишь тихий голос.

— Все равно никуда не денется. — Мне приходится припасть к двери и напрячь слух, чтобы разобрать смысл сказанного. — Я ведь тоже не делась.

После этого Елена уходит, но ее слова застревают у меня в голове.

Глава 11

Поворачиваюсь, прижимаюсь к двери спиной и съезжаю по ней на пол. Мне нужна минута, чтобы переварить услышанное. Кажется, будто надо мной насмеваются. Словно это какая-то проверка, которую я должна пройти. Зарываюсь пальцами в волосы, сжимаю их в кулаки. Слишком много всего происходит... слишком сложно собраться с мыслями. Я не была готова, что моя счастливая жизнь разлетится, словно карточный домик.

— К черту! — рываю в пустоту. — Без меня... ни одна любовь не стоит таких унижений! Вскрываю на ноги, хватаю чемодан. Вызываю такси.

Через пять минут я уже сижу в машине, выискивая отель как можно дальше от дома. От Артура. От всего этого цирка. Город за окном мелькает размытыми пятнами, сливающимися в единое месиво. Водитель молчит, изредка бросая на меня взгляды через зеркало. А я лихорадочно листаю карту. Меня сейчас не заботит даже то, что я оставляю за спиной свою студию и работу. Ничего страшного. Мне нужно немного времени, чтобы переварить все. А там придет решение... должно прийти.

В итоге машина останавливается у массивного здания с вычурной вывеской. Захожу через стеклянные двери внутрь, где под ногами глухо отзывается холодные белый мрамор. В нос забивается приятный парфюмированный аромат. Высокие потолки, с которых свисают круги люстр, отбрасывающие холодный свет на молочные стены. В углу стоит серый диван.

Из-за темной стойки ресепшена мне навстречу поднимается темноволосая девушка с идеальным макияжем и безразличным взглядом.

— Здравствуйте, у вас есть свободные номера? — мой голос звучит хрипло.

Девушка осматривает меня, медленно скользит взглядом по моему чемодану.

— Добрый день! Вы бронировали? — ее интонации мягкие, но при этом официальные.

— Нет, — мотаю головой, запоздало понимая, что нужно было предварительно позвонить, уточнить места. Но уже смысл об этом думать?! Если не эта гостиница, то пойду в другую.

— Одну минуту, — девушка наклоняется, что-то проверяет в компьютере, щелкая мышкой. — Да, свободные номера есть, — она снова выпрямляется. — Паспорт, пожалуйста.

Быстро тянусь к сумочке, висящей через плечо, рывком открываю ее, шарю внутри. Кошелек, ключи, расческа. Где же он? Я всегда носила его в сумочке. Паспорт точно должен быть здесь! Неужели Артур...

— Черт! — вырывается само собой.

Администратор смотрит на меня с вежливым безразличием, спокойно ожидая. Отпускаю чемодан, уже двумя руками перебираю содержимое сумочки. Хотя и так понятно, паспорта нет.

— Без документа заселение невозможно, — произносит девушка, видимо, уставая ждать.

— А можно хотя бы по фото? — мой голос звучит почти умоляюще.

Бужу телефон, судорожно листаю галерею в поисках нужных снимков. Внутри еще теплится надежда.

— Извините, это недопустимо, — девушка отвечает невозмутимо, твердо. — Для заселения нужен паспорт.

— А если пойти навстречу? — поднимаю на нее просящий взгляд.

— Извините, но нет, — администратор отстраненно покачивает головой. — Это требования закона. Но вы можете поискать частные мотели или hostels, — чуть тише добавляет она. — В другие вас вряд ли заселят.

Всматриваюсь в глаза напротив и понимаю, что там бесполезно о чем-либо просить.

— Спасибо, — грустно киваю и направляюсь на улицу, где начинает моросить холодный дождь.

«Где-то же должны пускать без паспорта...» — оглядываюсь по сторонам.

Рядом вижу кафе, направляюсь туда. Заказываю кофе, чтобы хотя бы немного прийти в себя. Запоздало проверяю кошелек — тут мне везет: налички немного, но карта на месте. И снова берусь за телефон. Через полчаса поисков нахожу вариант. Гостиница на окраине Москвы с невысоким рейтингом. Но уже плевать.

Мотель оказывается абсолютно неуютным и темным. В номере пахнет прохладой и влажностью. Но в целом сойдет. Узкая кровать, синие занавески, абсолютно не сочетающиеся с коричневым потертым ковровым покрытием. Телевизор, комод с зеркалом и тумба, в верхнем ящике которой лежит библия. Вот и все, что есть в номере.

Сажусь на край постели, осматриваясь по сторонам.

Неужели Артур забрал мой паспорт? Но для чего? Чтобы я не сбежала? Он всерьез не собирается меня отпускать?

Лезу в интернет, чтобы узнать, как восстановить документ. Пусть муж обломится.

В этот момент телефон вибрирует. Смотрю на желтый конвертик, догадываясь, от кого он мог прийти. Не хочу открывать, но любопытство пересиливает.

«Ты меня неприятно удивила. Но ладно, будем ужинать сегодня без тебя. Даю два дня на принятие ситуации. Дальше ты мне будешь нужна.»

«Будешь нужна» звучит как издевательство. Как будто я как какая-то кофемашина Артура. Включит — и потечет кофе по расписанию. Невольно хмыкаю, хотя хочется расхохотаться в голос. Вот тебе и график, о котором говорила Елена.

Глава 12

Вибрация раздается внезапно. Вздрагиваю. Видимо, я задремала, свернувшись калачиком на жестком матрасе. Не хочу открывать глаза, не хочу снова выныривать в давящую реальность. Боль все никак не утихнет — слишком все свежо. Тем более я догадываюсь, кто звонит. Артур. Наверняка, хочет надавить еще чем-то, проманипулировать, что-то потребовать, чтобы все было, как этого хочет он. Но мне уже хватило его сообщения.

Звонок прекращается, но через мгновение снова жжет бок. Настоячиво. Назойливо.

Нехотя разлепляю веки, смотрю на экран — не муж. Света — владелица галереи “Белый квадрат”. У нас с ней скорее партнерские отношения, нежели дружеские, но тем не менее она всегда выслушивает меня, если мне это требуется, и делится в ответ. И, пожалуй, она единственный человек в моей жизни, который все говорит в лицо, не скрывая.

— Алло, — хриплю, чувствуя, как пересохло горло. Прокашливаюсь.

— Привет! — голос подруги звучит звонко, как и всегда. — Лер, слушай, срочное дело. Я отправила тебе домой картину из частной коллекции Верещагина. Помнишь? Ту, что с погнули на углу? Нужно срочно подретушировать ее до выставки.

Резко сажусь, пружины кровати противно скрипят.

— Что? — вскрикиваю. — Ее нужно вернуть, — в голосе проскальзывает легкая паника.

— Почему? — недоуменно спрашивает Света.

Черт! И что ей сказать? Как объяснить? Мне не хочется втягивать постороннего человека в свою Санта-Барбару, но какой у меня выход?

— Понимаешь, — смущенно выдавливаю. — Я ушла... от Артура, — тяжело вздыхаю.

В трубке повисает тишина. Долгая, тяжелая.

— Прости... что? — Света произносит медленно, будто переваривая информацию. — Я не ослышалась?

— Тут такое дело, — голос предательски подрагивает. — Артур... у него другая семья. Жена. Дочь.

И я выкладываю Свете все. Про то, как мой муж годами жил на две семьи, как обманывал меня, как из-за несчастного случая я обо всем узнала. Голос под конец срывается, но я не плачу — слезы давно высохли. В груди осталась лишь печаль и тоска.

— И ты просто взяла и сбежала? — неверяще спрашивает Света. — Бросила дом, студию, все, во что вложила душу? Ради чего? Чтобы жить в этом задрипанном... — она замечает мое молчание, резко останавливается.

Закусываю щеку, сдавливаю телефон до такой степени, что пальцы немеют. Не знаю, что сказать. Утром мой поступок казался правильным. Но теперь, слушая Свету, понимаю, что, наверное, сглупила. Нужно было действовать более... хладнокровно что ли.

— Он тебя выгнал? — уже мягче спрашивает Света.

— Нет, но...

— Тогда слушай меня внимательно, — голос подруги становится твердым, но без злости. — Ты сейчас же поднимешь свою задницу с какой-то вшивой кровати и поедешь обратно. Это твой, — она делает ударение на этом слове, — дом! Ты вложила в него душу.

— Но как я могу... — снова пытаюсь возразить.

— Легко! — рявкает Света. — Легко! Разойдитесь по разным комнатам. Ходите разными маршрутами, чтобы не встречаться. Пусть Артур сам уматывает, если ему так хочется. Но ты не отдашь ему ни-че-го. Поняла?

Я глубоко вздыхаю, чувствуя, как в очередной раз сводит желудок. Облизываю пересохшие губы.

— Так, и по поводу картины, — тон Светы снова становится деловым. — Ее повредили при пересылке — угол погнули, из-за этого краска осыпалась. Ты знаешь, что Верещагин сожрет меня живьем, если что-то будет не так, и мы не успеем в срок.

— Света, я же сказала... — стону я.

— Нет, Лера! — подруга вздыхает. — Артур принял груз по твоей доверенности — той самой, что галерея оформляла для тебя год назад. Ты же помнишь, там был пункт о приемке ценностей? Так вот, юридически картина на тебе. Если ее испортят — отвечать будешь ты. — Света делает паузу. — Деньги за работу тоже твои, — добавляет она, ее голос становится теплым. — Тебе же они сейчас точно не помешают, правда?

Закрываю глаза, мотаю головой. Сжимаю покрывало в кулак. Света права. В любом случае, мне нужна работа. Поэтому картину необходимо забрать.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Я... я разберусь с этим.

— Вот и умница, — в голосе подруги слышится облегчение. — Держишь, ладно? Если что — звони. В любое время. И набери, когда осмотришь повреждения. Нужно понять, успеем ли мы к выставке.

— Ладно, — сильнее хмурюсь, уже прикидывая как быть дальше.

Света кладет трубку, а я так и продолжаю сидеть, уставившись в стену. В горле все еще стоит ком, но в голове только одна мысль:

Все-таки придется возвращаться.

Глава 13

Ключ в замке поворачивает слишком громко. Задерживаю дыхание, когда вхожу внутрь, прислушиваюсь — в доме тихо. Ни шагов, ни голосов. Артур в это время должен быть на работе. Да и Света права: даже если он где-то здесь, этот дом достаточно большой, чтобы избежать встречи. В любом случае, я приехала только забрать картину и принадлежности. Все остальное меня не касается.

Не трачу время на то, чтобы раздеться, иду по холлу вперед, затем сворачиваю налево. Моя студия — в самом дальнем углу дома. Еще один ключ, два поворота — толкаю белую двустворчатую дверь, захожу внутрь.

Воздух пахнет льняным маслом и скипидаром. С удовольствием вдыхаю запах, который стал родным. Он дарит мне спокойствие. Я с самого детства любила рисовать, поэтому мама отвела меня в художественную школу. А дальше... постепенно хобби превратилось в то, чем я захотела заниматься всю жизнь.

Холодный дневной свет через огромное окно падает на белые стены, пустые мольберты, начатый мною пейзаж. Справа от двери стоит шкаф с инструментами. В противоположном углу — та самая картина, запечатанная в жесткий ящик. Рядом стол с банками красок и подручными средствами.

Сразу шагаю к картине. Открываю ящик, внутри все отделано пенопластом. Полотно среднее. Примерно метр в длину. Осторожно достаю картину, ставлю ее на ближайший мольберт, чтобы оценить уровень повреждения.

“Городские тени” — так называется шедевр — абстракция в сине-черных тонах с кроваво-красными мазками. Внимательно всматриваюсь в нее, наклонившись вперед. Есть что-то в этой картине пугающее, и вместе с тем будоражащее... завораживающее. Сглатываю, веду глазами вверх — погнутый левый угол спровоцировал сгиб, на котором чешуйки краски уже осыпались ровной линией, еще несколько грозятся отлететь в ближайшее время. Мда... работа не из быстрых. Хорошо, что оттенков не так немного.

Ладно, бывало и хуже. Разворачиваюсь к шкафу за необходимыми инструментами, делаю пару шагов в противоположную часть комнаты — и чуть не вскрикиваю, застывая. В дверях стоит... Ксюша. В зеленом платье с ромашками, она сжимает руки перед собой.

— Привет. И откуда ты здесь? — ладонь сама прижимается к груди, стараясь успокоить сердце, которое колотится как сумасшедшее.

Девочка наклоняет голову, внимательно изучая меня.

— Папа привез показать дом, — в ее глазах мелькает любопытство. — Сказал, что я теперь часто буду здесь появляться, — ее голосок звучит тихо, немного неуверенно. — А вы что делаете?

— Мне нужно кое-что забрать, — направляюсь к шкафу.

Черт! Значит, и Артур дома. Более того, он привез сюда дочь, пока меня нет. Почему-то от этой мысли становится не по себе... неприятно. Он даже не спросил, не буду ли я против. Сначала ее мать, теперь Ксюша. Складывается ощущение, что они потихоньку перебираются сюда, занимают территорию. Муж должен был спросить меня! Но... какой он теперь мне муж?!

Краем глаза замечаю, как Ксюша переминается с ноги на ногу, затем шагает внутрь. Ее розовые носки заглушают шаги, поэтому я не сразу улавливаю, насколько далеко она проходит.

— Не заходи сюда! — звучит грубее, чем мне бы хотелось. Но плевать!

— Папа сказал, что мне можно ходить, где я захочу, — девочка вздергивает носик. — А еще он сказал, что мы должны подружиться, — это звучит уже требовательно.

— Не думаю, что нам это нужно, — быстро хватаю кисти, мастихины, тюбики с ретушными красками.

Открываю одну из них, чтобы проверить, сколько осталось. Резковатый запах ударяет в нос, вызывая подташнивание. Желудок предательски сжимается. Видимо, из-за того, что ничего не ела сегодня. Быстро закрываю тубилек. Трясу головой.

— Будь осторожнее, — понимаю, что у меня нет времени выгонять девочку. Чем быстрее я все соберу, тем быстрее уеду. — Где сейчас папа? — мне не хочется встречать с Артуром, поэтому нужно понимать, как его обойти. В целом, я уже почти нашла все необходимое. Осталось только упаковать инструменты и подобрать нужную краску, поэтому собираю охапку в руки.

— На кухне. Готовит мне пасту, — Ксюша говорит с улыбкой, и во мне что-то обрывается.

Артур готовил для меня только в первый год наших отношений, а потом все сошло на нет. “Не мужское это дело — у плиты стоять.”

— А что это? — слова долетают откуда-то сзади.

Оборачиваюсь через плечо. Ксюша замирает перед мольбертом с холстом. Подносит палец к губам.

— Это картина, которую нужно отреставрировать, — поворачиваюсь всем корпусом с собранными инструментами, чтобы направиться к столу — и вижу: Ксюша держит в руках банку с акриловой желтой краской, которая как раз стояла в ряду похожих ей на столешнице. Крышка уже открыта. Я не заметила, когда девочка успела ее взять.

— Мой любимый цвет! — радостно восклицает Ксюша.

— Закрой и поставь на место, — требую я, быстро шагаю к ней.

А дальше все происходит, словно в замедленной съемке. Ксюша поднимает на меня глаза — и в них мелькает что-то странное. Она разворачивается, делает шаг к столу и... спотыкается то ли о собственную ногу, то ли о выемку на полу. Банка в ее руках опрокидывается.

Я буквально вижу, как яркая желтая краска выплескивается в воздухе толстой волной и... с мерзким хлюпающим звуком обрушивается на стоящую на мольберте картину. Густая режущая глаз жижа растекается по синим теньям, смешиваясь с красными мазками, капает на пол жирным пятном.

В горле застревает глухой крик. Все, что было у меня в руках, падает вслед за следующей каплей, срывающейся с холста.

Глава 14

Я стою, словно парализованная, наблюдая, как желтая жижа расплзается по полотну. В висках стучит. В голове пусто. Дрожащей рукой закрываю рот, сдерживая подступающую от волнения тошноту.

— Что... что ты наделала? — голос звучит хрипло, будто кто-то сдавил горло железной рукой.

Ксюша замерла рядом с картиной. Ее глаза выглядят как два огромных блюдца, перебегающие с испорченного холста на меня и обратно. Нижняя губа заметно дрожит, пальцы судорожно сжимают край платья.

— Я... я не хотела... — шепчет она. Осматривается вокруг, будто в поисках помощи. Вдруг она резко выдыхает и бросается к столу, хватая первую попавшуюся белую тряпку. — Я все вытру!

— Нет! — мой крик разрывает воздух. Оцепенение мгновенно спадает. Бросаюсь вперед, перехватываю ее руку буквально в нескольких сантиметрах от холста. — Не смей больше ничего здесь трогать! — чеканю каждое слово.

Оттаскиваю Ксюшу от картины, встряхиваю ее руку, чтобы она выронила тряпку. Понимаю, что мои действия грубы, но я себя не контролирую. Внутри закипает кровь от осознания происходящего. Девочка съеживается, поднимает руку, будто защищаясь от удара. Я же нависаю над ней, распахиваю рот...

— Что здесь происходит? — грозный голос Артура проносится по студии.

Мы с Ксюшей одновременно поворачиваем головы. Я на мгновение ослабляю хватку.

— Папочка, она меня бьет! — Ксюша моментально вырывается из моих пальцев и бросается к отцу, хватая его за пояс, утыкаясь в подмышку.

Артур обнимает дочь, его взгляд становится ледяным, когда он вперивает его в меня.

— Твоя дочь испортила картину! — срываюсь на крик, указывая себе за спину. Мне кажется, что я слышу, как очередная капля срывается с полотна и ударяется о пол. — Вот что случилось! Черт! Она сделала это специально!

Резко разворачиваюсь к мольберту. Желтая краска уже въелась в фактуру холста, заполняя каждую прожилку.

— Нужно как-то исправить... — шепчу, проводя по щекам руками. Лицо горит. Медленно вожу головой из стороны в сторону. Шок сдавливает легкие. — Эта картина стоит бешеных денег. Не говоря уже о моей репутации.

Артур сзади издевательски усмехается.

— Так в чем проблема? — как бы между прочим произносит он, будто это слишком просто сделать. — Ты же талантливый художник. Или что, навыков не хватает?

За его вопросом раздается тихое всхлипывание Ксюши.

Сжимаю руки в кулаки, разворачиваюсь к ним.

— А тебе, как я посмотрю, это доставляет удовольствие, — буквально рычу, — видеть, как твоя дочь специально портит мою работу! Это что, какая-то изощренная форма мести? — смотрю на Артера прожигающим взглядом.

Муж хмурится, а после опуская голову, глядя на дочь.

— Милая, расскажи, как все произошло? — он гладит Ксюшу по голове, его голос теплеет. — Ты специально это сделала?

— Нет, — девочка активно мотает головой. — Конечно, нет. Я всего лишь взяла желтую краску, потому что люблю этот ц-цвет... — она заикается, слезы продолжают течь по ее щекам. — Хотела посмотреть. А потом она... — указывает на меня дрожащим пальцем, — закричала

на меня. Я испугалась... потянулась, чтобы поставить баночку на место и... споткнулась. Я не хотела... папа, — последнее слово выходит совсем жалобно.

— Чушь! — рявкаю. — Это все полная чушь! — сжимаю руки в кулаки.

— Нет, папочка, нет! — Ксюша снова мотает головой. Начинает громко всхлипывать. — Честно слово! Пожалуйста, поверь мне. Я хотела понравиться твоей... девушке, а она...

Закатываю глаза. Внутри все кипит. Мозгами понимаю, что передо мной стоит ребенок, который, возможно, сам испугался того, что сделал, но с другой — я вспоминаю ее странный, слишком осознанный взгляд перед тем, как она “случайно” опрокинула банку.

— Актриса, — произношу это со всей доступной мне горечью.

Артур качает головой, его лицо искажает презрение. Ксюша сильнее прижимается к нему, глядя на меня испуганными покрасневшими глазами.

— Милая, иди на кухню, — муж гладит дочь по спине. — Там паста готова, — аккуратно подталкивает ее в сторону коридора.

Ксюша еще раз бросает на меня виноватый взгляд. Вытирает нос тыльной стороной ладони.

— Прости... те, — лопочет она, всхлипывает и убегает, громко стуча пятками по полу.

Артур смотрит ей вслед, дожидается, пока ее шаги стихнут.

— Зачем ты так с ней? — он резко поворачивается ко мне. С его лица ушло все тепло, теперь осталась только жесткая маска. — Ну споткнулась... — в его голосе одно осуждение. — И надо было орать как истеричка? Оно того стоило, чтобы пугать ребенка?

— Ты, правда, ничего не видишь? — смотрю в ответ на мужа и понимаю — с ним бесполезно спорить. Сейчас он в первую очередь отец, и только потом, возможно, муж. Ни понимания, ни сочувствия я от него не добьюсь. — Ты прекрасно знаешь — эта картина теперь на мне! — сжимаю челюсти. — Мне никогда не выплатить компенсацию за нее.

— И ты решила повесить вину на мою дочь? — Артур сужает глаза.

— Да пойми ты! — вскидываю руку в сторону мольберта. — Это же...

— Несчастный случай, — перебивает Артур. — Или ты настолько эгоистична, что не можешь простить ребенка?

Мы тараним друг друга взглядами, воздух в студии электризуется с каждой секундой все больше.

— Ты слеп, — шиплю я. — Или просто не хочешь видеть очевидного?

Артур делает шаг вперед, его лицо искажает гримаса гнева.

— Ты действительно хочешь устроить скандал прямо сейчас? — предупреждающе цедит он, подходя ко мне ближе.

— Я хочу, чтобы ты наконец посмотрел правде в глаза! — вскрикиваю я. — Твоя дочь...

— Хватит! — Артур резко поднимает руку. Сжимаюсь, как это делала Ксюша минуту назад, дергаюсь в сторону. — Я больше не собираюсь это слушать.

Между нами повисает дикое напряжение. Я вижу, как взгляд Артура задерживается на моем лице. Его брови чуть приподнимаются, губы теряют жесткую складку.

— Ты... — начинает он, но обрывает себя. Проводит ладонью по лицу, тяжело вздыхает. — Ладно, — его голос становится чуть спокойнее. — Я выплачу неустойку, — он смотрит на картину. — Но при одном условии.

Осторожно выпрямляюсь, все еще чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— При каком? — спрашиваю настороженно.

— Завтра званый ужин у конкурентов, — Артур снова возвращает свое внимание ко мне. — Ты идешь со мной и улыбаешься всем, как счастливая, влюбленная жена.

Во рту резко пересыхает. Распахиваю рот, чтобы послать Артура, но... картина. Репутация. Долг.

И вдруг в голове вспыхивает мысль, от которой перехватывает дыхание. А что, если сделать так, чтобы этот вечер запомнился Артуру навсегда? Чтобы он краснел при одном воспоминании о нем? И в этом мне поможет:

Слабительное... или виагра?

Глава 15

Машина плавно скользит по вечерней трассе. Мимо проносится стена деревьев. Мы едем куда-то в Подмоскowie. Напряженно всматриваюсь за окно, перебираю юбку черного шелкового платья, ощущая, как ткань мнется под холодными пальцами.

— Прекрати, — Артур перехватывает мою ладонь, но я резко выдергиваю ее.

Мы оба находимся на заднем сиденье машины. Профиль мужа освещает свет редких фонарей. Черный смокинг идеально сидит на его мощной фигуре. Раньше я бы в очередной раз восхитилась своим мужем, сейчас мне тошно от его напускной безупречности.

И снова наступает тишина. Я не нервничаю, но вся ситуация в целом меня раздражает. Чувствую себя куклой, и не понимаю, как от этого кто-то может получать удовольствие. Кидаю быстрый взгляд на Артура. Неужели так было всегда, и я просто этого не замечала?

Муж, видимо, улавливает мое внимание, потому что неожиданно произносит:

— Я связался со Светой, — его голос звучит подчеркнуто по-деловому, словно я не жена, а клиент. — Описал ситуацию. Она поговорит с владельцем картины. Они рассчитают неустойку. И я все оплачу.

— Что ты ей сказал? — цежу сквозь зубы.

— Несчастный случай, — безэмоционально отзывается Артур.

“Серьезно?” — хочется крикнуть ему в лицо, но я только киваю и молчу.

А смысл что-то выяснять сейчас? Только нервы тратить. В голове вспыхивает прошлая ночь — я на коленях перед испорченной картиной, пальцы в едком растворителе, глаза режет усталость, тошнота от нервного напряжения уверенно обосновалась в горле. Почти всю краску удалось убрать, но желтые разводы впитались в холст настолько сильно, как сама ситуация въелась в мою жизнь — кажется, никогда не избавиться. Но я смогу, только времени понадобится чуть больше, чем планировалось. Только к выставке я все равно никак не успею. Закусываю щеку. Снова появляется нервная щекотка внизу живота.

— Помни, ты сегодня должна быть идеальной женой! — предупреждающе бросает Артур, и в его голосе слышится смесь приказа и угрозы. — Все-таки это недешево мне стоило.

Резко разворачиваюсь к нему.

— Из-за твоей дочери я могу лишиться репутации! — рявкаю я. — Да как ты смеешь...

Я не успеваю договорить — машина останавливается на подъездной дорожке.

— Давай, милая, — Артур усмехается. — Сделай свое личико снова милым, и выходим.

Задышаюсь от гнева, нахожу рукой сумочку, лежащую рядом, сжимаю ее как можно сильнее, выдыхаю.

Дверь с моей стороны распаивается, передо мной появляется рука, обтянутая белой перчаткой. Глубоко втягиваю воздух и вкладываю пальцы в протянутую ладонь. Швейцар помогает мне выбраться наружу. Взгляд невольно приковывается к ресторану, похожему на мираж — старинная усадьба с колоннами, залитая золотым светом. Массивные деревянные двери распахнуты настежь, и кажется, что изнутри льется тепло и веселье. Настолько увлекаюсь рассматриванием, что не замечаю, как Артур подходит ко мне вплотную и кладет руку на мою талию. Тело мгновенно напрягается от его прикосновения. Артур чувствует, как я превращаюсь в статую, но ничего не говорит, лишь недовольно хмыкает, подталкивая меня вперед.

Стоит зайти внутрь, как в нос бьет дорогой аромат дерева и роскоши. Хрустальные люстры отбрасывают блики на светлые стены, украшенные подлинниками известных художников. Очередной швейцар с бордовом жилете и черных брюках с острыми стрелками принимает мое пальто. Без него почему-то ощущаю себя голой, нужно было надеть что-то более закрытое — хотя у платья и толстые бретельки, все равно оно выглядит жутко неуместным... или я сама по себе не уместна здесь.

— Ты отлично выглядишь, — дыхание Артура опаляет ухо.

Дергаюсь от неожиданности, но муж быстро сжимает мой локоть. Не успеваю отреагировать — швейцар просит пройти за ним. Нас ведут между круглыми столиками, накрытыми белыми скатертями, и мраморными темными колоннами туда, где уже сидит пожилая пара — мужчина в строгом темно-синем костюме и белой рубашке с накрахмаленным воротничком, когда-то темные волосы теперь сияют сединой, из-за чего голубые глаза кажутся слишком светлыми. Рядом с мужчиной сидит красивая женщина в жемчугах и платье, которое стоит не меньше машины.

Когда мы подходим ближе, Артур резко перехватывает меня за талию и тихо шипит, видимо, от неожиданной боли. Чисто интуитивно пытаюсь высвободиться. Беспокойство за мужа вспыхивает и сразу проходит, но Артур все равно не отпускает меня. Сцепляет зубы, идя вперед.

— Владимир Евгеньевич, — он натягивает дежурную улыбку. — Спасибо за приглашение, — протягивает свободную руку.

Мужчина поднимается из-за стола, с готовностью жмет ладонь Артура.

— Познакомьтесь, это моя жена — Валерия, — муж подталкивает меня вперед.

Улыбаюсь уголками губ. Владимир Евгеньевич изучающе проходится по мне внимательным взглядом и удовлетворенно кивает.

Мужчины сразу погружаются в разговор о сделках, акциях, процентах, а я стою рядом, чувствуя себя красивой вазой, которую поставили на стол для украшения. Мне только что и остается, как рассматривать гостей в дорогих нарядах и интерьер, напоминающий музей.

— Дорогая, принесешь мне апельсинового сока? — Артур неожиданно обращается ко мне. В его глазах читается вызов, но на виске блестит исприна. Ему жарко?

Сначала замираю от возмущения, но очень быстро одергиваю себя, вспоминая свой коварный план. И это идеальное время для его исполнения. На моих губах расцветает самая сладкая улыбка.

— Конечно, любимый, — мягко дотрагиваюсь до плеча Артура, он напрягается, видимо, не ожидая от меня ласки.

У бара действую быстро и точно: прошу подать мне сок, лезу в сумочку, Пальцы дрожат, когда я достаю из потайного кармашка маленькие голубые таблетки. Две — для верности. Чтобы все получилось наверняка. Они падают в бокал с едва слышным “плюхом”. Нетерпеливо жду, пока они растворятся, не оставляя никаких признаков моего коварства.

Когда я возвращаюсь и протягиваю Артуру бокал, он с благодарностью его принимает. Наши пальцы на мгновение соприкасаются.

— Спасибо, родная, — он благодарно смотрит мне в глаза, отчего на мгновение спирает дыхание.

“Артур играет на публику!” — цедит внутренний голос. И я знаю, что он прав.

— Все для тебя, — произношу еле слышно, склоняя голову на бок.

Проходит минут двадцать, но ничего так и не происходит. Мы сидим за столом, вокруг гудят разговоры, на заднем фоне играет живая музыка. Я уже начинаю нервно постукивать носком туфли по мраморному полу, когда вдруг замечаю, как Артур ослабляет галстук. Дыхание мужа становится чуть чаще. Он пытается удобнее сесть, слегка подтягивая белую скатерть на свои бедра.

— Все в порядке? — наклоняюсь к Артуру.

Мой шепот обдает его ухо, отчего на шее мужа проступает легкий румянец. Артур резко поворачивается ко мне, и я вижу, как его зрачки расширились до невероятных размеров. Капелька пота скатывается по виску. Артур выглядит как хищник, учуявший добычу, и это зрелище одновременно пугает и радует.

Медленно опускаю глаза и натыкаюсь на выпирающий бугор в его штанах.

Еле успеваю подавить рвущуюся наружу улыбку. Кажется, дальше будет весело!

Глава 16

Артур игнорирует мой вопрос. Кажется, он даже меня не слышал. Все его внимание занято тем, чтобы сесть как можно удобнее. Он расставляет ноги под столом, его пальцы нервно барабают по скатерти. Я замечаю, как капля пота медленно сползает по виску мужа, несмотря на прохладу в зале. Артур ослабляет галстук до такой степени, что узел болтается неприлично низко, затем расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, видимо сдавливающую горло.

— Владимир Евгеньевич, и чем же вам не нравится наше предложение? — голос мужа звучит неестественно резко.

— Да вы сегодня агрессивны, — усмехается Владимир Евгеньевич. — Где ваша хваленая любезность? Или выдержка уже подводит? — поддевает он.

Артур сжимает салфетку подрагивающими пальцами, недовольный этим замечанием в свой адрес.

Поражаюсь, что в таком состоянии он умудряется еще и участвовать в разговоре, следя за его ходом. Мужу явно неудобно, но при этом, он кажется, пока не догадывается, в чем конкретно дело... и это меня радует.

Мне доставляет удовольствие наблюдать, как на Артура кидают вопросительные взгляды, как он пытается себя контролировать, не подавая вида, что что-то не так, хотя удается ему это с трудом, как он борется с тем, что его рука дергается вниз, чтобы поправить свое неудобство, и в какой-то момент Артур все-таки не выдерживает.

Но вместо того, чтобы прикоснуться к себе, неожиданно под столом ощущаю, как крепкая рука Артура ложится на мое бедро, сжимает его. Место, где ладонь касается моей ноги, начинает жечь. И я не могу понять, то ли от смущения, то ли от жара, который исходит от Артура, напряженно сдавливающего пальцы.

Наклоняюсь к мужу так близко, что мои губы почти касаются его покрасневшего уха.

— Дорогой, мне кажется, ты все-таки не в порядке, — шепчу я, делая вид, что волнуюсь.

Артур медленно поворачивает голову. Его глаза — два расширенных черных зрачка в море голубой радужки — изучают мое лицо с нездоровым блеском. Внезапно его губы растягиваются в кривой усмешке.

— Ты что-то подсыпала мне? — он рычит так тихо, что только я могу его услышать. Его дыхание горячее и прерывистое.

Я широко раскрываю глаза, делая наивное лицо.

— Что? Нет! — мое возмущение звучит убедительно даже для меня самой. — Я не понимаю, о чем ты. Мне кажется, у тебя жар.

В этот момент официанты начинают расставлять перед нами блюда с морепродуктами, из-за чего Артур отстраняется от меня. Предо мной с мягким стуком появляется тарелка с устрицами на льду. Случайно вижу, как женщина в ярко-изумрудном сверкающем платье, сидящая слева от меня, поддевает вилкой скользкое тело моллюска и отправляет его в рот. Мой желудок при виде этого сжимается, тошнота неожиданно подкатывает к горлу кислой волной. Морщусь, отворачиваясь от этого неприятного зрелища. Я никогда не любила всех этих скользких созданий, поэтому стараюсь не смотреть, как их едят — это слишком неприятное зрелище.

За едой разговоры вокруг становятся громче, смех звенит, как хрустальные бокалы. Все наслаждаются блюдами, наконец отвлекаются от дискуссий и рабочих тем. Тоже немного забываюсь, решая съесть жульен. Уже почти доношу вилку до рта, как вдруг ощущаю железную хватку на своем запястье.

— Ты идешь со мной, — цедит Артур, вставая. Его пальцы впиваются в мою кожу так, что я чувствую, будто он пережимает мне вены.

Едва успеваю положить вилку, мотаю головой, пытаюсь осторожно вырваться, чтобы не привлечь к нам лишнего внимания, но Артур уже поднимает меня со стула, вежливо кивая гостям, при этом как бы прикрываясь мной, чтобы никто не заметил его стояк, упирающийся мне в бедро.

Коридор за дверью зала погружен в полумрак. Артур тащит меня вперед, мои каблукки беззвучно вступают по красной ковровой дорожке.

— Артур, отпусти! Мне больно, — хриплю я, пытаюсь отдышаться.

Мы идем слишком быстро, я еле успеваю за широкими шагами мужа. Сердце колотится так, что кажется, вырвется из груди. Я начинаю нервничать, из-за чего тошнота возвращается с новой силой. Только сейчас понимаю, какую допустила оплошность — я понятия не имею, чего ожидать от мужа в таком состоянии. И это пугает.

Вдруг Артур распахивает дверь туалетной комнаты и заталкивает меня внутрь — приглушенный холодный свет, черный мрамор, золотая фурнитура, запах дорогого освежителя с нотками сандала. Дверь с глухим щелчком закрывается на замок за моей спиной. Вздрагиваю от этого звука — в возникшей тишине он напоминает выстрел. Резко оборачиваюсь к Артуру.

— Если ты так хотела моего внимания, могла бы просто попросить, — ухмыляется он. Его лицо стало неестественно красным, на лбу набухла вена. Но вот взгляд — в нем кроется что-то дикое, первобытное, инстинкт, который, видимо, Артур раньше очень удачно контролировал.

Неосознанно отступаю к стене, чувствую, как новая волна тошноты подкатывает к горлу, когда Артур тянется к ремню. Его движения резкие, нетерпеливые. Он явно торопится, расстегивая пряжку.

— Ждешь наказания? — муж шагает ко мне. — Правильно, — протягивает руку чтобы дотронуться до моей щеки.

Сжимаюсь, пытаюсь отстраниться, при этом замечаю, как его пальцы дрожат. Дыхание кажется хриплым, прерывистым. Артур почти касается моего лица, но в самый последний момент, резко зарывается рукой мне в волосы. Приближается, и это становится последней каплей.

Дергаюсь, вырываюсь с такой силой, что несколько волос остается в пальцах мужа. Бросаюсь к унитазу из черного мрамора, падаю на колени, и меня выворачивает.

— Что с тобой? — голос Артура звучит странно, в нем проскальзывает беспокойство. Он делает шаг ко мне.

Я поднимаю дрожащую руку, жестом приказывая ему не подходить. Меня скручивает еще один спазм — и в этот момент за спиной раздается глухой удар.

Нерешительно оборачиваюсь. Артур лежит боком на мраморном полу, глаза закрыты. Он не двигается.

— Артур? — мой голос звучит слишком тихо, словно издалека. Чувствую, как нижняя губа начинает дрожать.

Меня все еще мутит, но я все равно ползу к мужу на четвереньках, холодный пол леденит кожу. Трясу Артура за плечи — никакой реакции. Кажется, он даже не дышит. Подношу трясущиеся пальцы к его губам. Ничего. Ни тепла, ни колебания воздуха.

— Вот черт! — всхлипываю, прикрывая свой рот рукой. — Кажется... я убила собственного мужа!

Глава 17

Белые стены больничной палаты давят на виски. Я нервно переступаю с ноги на ногу. Руки сцеплены перед собой так крепко, что пальцы немеют. Врач — мужчина лет шестидесяти с приличной проседью в коротко стриженных волосах и усталыми, но острыми карими глазами — внимательно смотрит на Артура. Муж же сидит на койке с прямой спиной. Он не сводит с меня недовольный, но уже менее взбешенный взгляд, будто пытается прожечь во мне дыру. Но благо, ему уже лучше. И это неимоверно радует.

— У вас проблемы с потенцией? — врач бросает беглый взгляд на пах Артура, где под тканью брюк все еще топорщится бугор.

Чуть ли не давлюсь от этого вопроса. Смущенно отвожу глаза от мужа.

— Нет, — резко бросает Артур, продолжая сверлить меня взглядом.

Сглатываю ком в горле, обнимаю себя за плечи, буквально желая спрятаться от внимания мужа. Он понял... точно все понял. Но я буду отрицать до конца! У Артура не найдется доказательств. Живот от волнения скручивает спазмом. Снова чувствую приступ тошноты. В голове яркой картинкой вспыхиваю воспоминания, как я выбежала из туалета, хватая первого попавшегося то ли гостя, то ли официанта — я даже толком не помню, кого именно, кажется, в тот момент я кричала, а потом появились врачи, скорая, где Артур наконец пришел в сознание, бледный, ничего не понимающий. А затем мы оказались в этой палате.

— Но все-таки, судя по вашей... эрекции, вы что-то приняли, — врач указывает подбородком на пах Артура. Стараюсь туда не смотреть. Слишком стыдно. — Это не шутки! Вы сейчас на очень сильных обезболивающих. А с ними нельзя мешать стимуляторы кровообращения. Это может вызвать резкое падение давления, тахикардию, вплоть до коллапса. Хорошо, что в этот раз обошлось. Но не советую рисковать снова.

— Подождите, обезболивающие? — я вскидываю голову, голос звучит выше, чем хотелось бы.

Врач удивленно смотрит на меня, а после трет переносицу, тяжело вздыхая.

— Да, при таком ожоге вашему мужу они необходимы, — он внимательно всматривается в мое лицо, и я сжимаюсь, чувствуя, как паника сдавливает грудь. По спине бегут мурашки. Сейчас врач все поймет!

Тошнота становится почти нестерпимой. Прикрываю рот ладонью, сжимаю зубы.

— Кстати, о вас, — тон врача становится немного мягче. — Артур Сергеевич упомянул, что перед случившемся с ним вас вырвало. И сейчас я заметил новые приступы тошноты. Давно это?

— Пару дней, — пожимаю плечами, не сильно вслушиваясь в слова врача. Мысленно ухожу в себя. Если бы я столько знала про обезболивающее... Ни за что бы так не поступила с Артуром. Но я даже подумать не могла. Мне казалось, что с ним все в порядке. Но похоже, состояние Артура куда хуже, чем я могла предположить. — Нервы... ем мало, — отвечаю механически, глядя на холодный кафель под ногами.

Врач же пристально изучает меня.

— Вкусы, запахи изменились? — быстро спрашивает он.

— Нет... да, — вспоминаю запах краски, который раньше мне нравился, а в последний раз показался каким-то резким, неприятным.

— Усталость, сонливость?

— Немного, как у всех, — встряхиваю головой. — Я плохо сплю, и все отсюда.

— Цикл...

— Да все нормально, — смотрю на врача, на автомате пытаюсь вспомнить, когда должны прийти месячные. Но мозг напрочь отказывается соображать. Он пережил дикий стресс и сейчас будто впал в спячку.

— Ясно, — доктор поджимает губы. — Сделайте тест.

— Какой тест? — широко распахиваю глаза. Сердце снова начинает биться быстрее.

— На беременность, — словно тугодуму отвечает врач. — У вас все признаки.

— Нет, — резко мотаю головой. — Нет. Это усталость. И только.

— А у вас они здесь есть? — Артур, молчащий все это время, внезапно встревает. Его тон кажется низким, опасным... предупреждающим.

Врач переводит изучающий взгляд с меня на Артура и снова возвращается ко мне.

— Это лишнее, — пытаюсь вразумить хотя бы доктора.

— Давайте я принесу, а вы уже сами решите, — врач поворачивается к двери.

— Не надо! — вскрикиваю я, дергаясь за ним, но он уже выходит.

Дверь закрывается с тихим щелчком. Я же стою, ощущая, как по телу постепенно поднимается озноб. Артур не спускает с меня холодного взгляда. Не могу заставить себя повернуться к нему. Я накосячила... сильно, и чувствую себя очень виноватой перед мужем. Надо бы спросить, как Артур себя чувствует, но это выше моих сил. Мне стыдно! Хотя часть меня и думает, что он это заслужил.

— Сколько таблеток ты... — сзади раздается жесткий голос Артура.

Напрягаюсь, вытягиваясь, словно струна, набираю в грудь как можно больше воздуха, готовая обороняться, но в этот момент дверь снова открывается.

Молоденькая медсестра молча протягивает мне тест, на мгновение задерживает на мне взгляд, и так же молча уходит.

— Я не буду его делать! — резко разворачиваюсь к Артуру.

Все чувство вины, как и стыд, тонут под внезапно вспыхнувшим негодованием. Муж опять пытается сделать так, чтобы было по его.

— Еще как будешь, — цедит он, встает с койки, слегка пошатывается, но быстро выпрямляется, удерживаясь. Замираю, и тут же выдыхаю. Все нормально.

— Артур, я не беременна, — поднимаю тест, словно он прямо сейчас может подтвердить мои слова.

— Тогда докажи, — муж указывает глазами на коробку. — Мне не нужна сюрпризы.

В груди закипает злость, когда слышу пренебрежительное "сюрпризы". Во рту появляется горький привкус. Как будто я — проблема, а не возможная мать ребенка Артура. С другой стороны, у него уже есть дочь. Может быть, он не хочет создавать ей конкуренцию. Но так я и не претендую!

— Да утрись ты! — быстро разворачиваюсь в сторону смежной с палатой ванной комнаты, захлопываю за собой дверь.

Делаю все на автомате. Жду. Это самые долгие минуты в моей жизни. Сердце бьется так громко, что кажется, его слышно через стены. Нервно стучу носком по полу, гипнотизируя тест.

— Давай же, — молю его показать отрицательный результат.

И вот наконец что-то начинает проявляться, но не успеваю даже рассмотреть что-либо, как дверь стремительно распахивается.

— Ну что? — Артур быстро подходит ко мне, вырывает тест из моих рук. Внимательно смотрит.

Я же изучаю его реакцию, пытаюсь по ней понять хоть что-то. Лицо мужа меняется, губы искривляются, он поднимает на меня презрительный взгляд.

— Что ж... — глухо произносит Артур. — Я все-таки рассчитывал на другой результат.

Глава 18

— Ты меня своими “Артур, я не беременна” почти убедила, — муж вскидывает бровь. — Но здесь написано другое, — он поднимает тест в воздух.

Резко дергаюсь к мужу, вырываю тест у него из рук. Смотрю на окошечко, где черными буквами написано “беременна”, и ниже “+ 3”. Больше трех недель. Не может быть! Мы конечно же хотели детей и планировали их, но примерно через год, когда я проведу свою первую полноценную выставку, чтобы я в полной мере могла насладиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.